

A close-up, black and white portrait of a man with short, light-colored hair, wearing black-rimmed glasses and a textured, light-colored jacket over a white shirt. He has a serious expression and is looking directly at the camera. The background is dark and out of focus.

**АЛЕКСАНДР  
ЗВЯГИНЦЕВ**

---

**ИСПАНСКИЙ  
САПОГ**

---

**Сделанное тобой к тебе же вернется**

Валентин Ледников

Александр Звягинцев

**Испанский сапог. Нам есть  
чем удивить друг друга**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

## **Звягинцев А. Г.**

Испанский сапог. Нам есть чем удивить друг друга /  
А. Г. Звягинцев — «РИПОЛ Классик», 2019 — (Валентин  
Ледников)

ISBN 978-5-386-13464-8

В прекрасной Испании, где на знойных пляжах время останавливает свой бег, где пылающую паэлью запивают ледяной сангрией, а на площадях танцуют страстную сардану, главный герой романа «Испанский сапог» Валентин Ледников, совершенно не желая того, оказывается втянутым в смертельную борьбу за гигантское наследство. Ее ведут его русские соотечественники. И нельзя отлежаться на пляже, когда на твоих глазах похищают людей, сходят с ума, лишают жизни невинных, предадут любимых, торгуют честью и профессиональным долгом. А тут еще испанская полиция считает тебя едва ли не главным подозреваемым. У Ледникова есть только один выход: самому найти того, кто стоит за всем этим. В сложившейся ситуации сделать это может только он. Ведь в «русских делах» лучше всех может разобраться только русский. Даже в прекрасной Испании... Из подневольности суеты мирской, повседневных забот, тревог и ожиданий главного героя романа «Нам есть чем удивить друг друга» Валентина Ледникова вырывает случай. Очень скоро он кардинальным образом меняет его жизнь, бросая в brutальные жернова событий, в которых крутятся огромные деньги, сутенеры и проститутки, задействуются коррупционные схемы и скользкие дельцы, присосавшиеся к антикварному бизнесу. В них редчайшие реликвии далекого прошлого буквально крушат настоящее: ломают судьбы, уничтожают репутации, сталкивают на путь греха и разврата людей, чья чистота и порядочность совсем недавно казалась безупречной. И происходит это вследствие того, что вожаемые сокровища попадают в руки подлых, меркантильных и коварных людей. Оказавшись в самом пекле событий, Ледников не пытается вырваться из него. Он принимает вызов... Многие романы о Ледникове переведены на французский, испанский, болгарский,

латышский и другие иностранные языки и изданы за рубежом. На Российском телевидении по мотивам этих произведений был снят шестнадцатисерийный игровой фильм.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-13464-8

© Звягинцев А. Г., 2019

© РИПОЛ Классик, 2019

## Содержание

Испанский сапог	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Александр Григорьевич Звягинцев**  
**Испанский сапог. Нам есть**  
**чем удивить друг друга**

© Звягинцев А. Г., 2019

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

## Испанский сапог

*Какими бы развратниками испанец или испанка ни были, в его или ее жизни обычно наступает время, когда глубоко укоренившиеся всенародное уважение к тому, что испанцы именуют «чистой», любовью к плотской чистоте, одерживает победу... Это страна веселых грешников, но и в неменьшей степени – кающихся донжуанов и магдалин.*  
*А. Г. Звягинцев*

### Глава 1

#### **El diablo sacudio su poncho<sup>1</sup>** **Дьявол сбросил свою накидку** **(все выплыло на свет Божий)**

И тут ему показалось, что вот такие часы, когда ты беспечно и бездумно валяешься на тихом пляже, на испанском курорте, под солнцем, которое никогда не скрывается за облаками, как бы не засчитываются в срок твоей жизни. Они, эти часы и дни, словно идут помимо нее, своим отдельным чередом, и если бы можно было так валяться сколь угодно долго, то и жить можно было бы столько же, потому что невозможно в таком состоянии ни заболеть, ни состариться...

Мысль была вполне себе пляжная, глупая и бесполезная. Ее даже лениво вертеть в голове не хотелось. Но она все равно назойливо лезла в башку и очень раздражала...

В Испанию они прибыли все семьей, чего еще недавно Ледников не мог себе представить.

Потому как несколько лет назад семейство Ледниковых ни с того ни с сего слиняло. Слиняло в три дня, как Русь в революцию, словно пришел ей некий роковой срок. И казалось, от него тоже ничего не осталось и возврата уже быть не может...

А было это так. Позвонила мать и попросила срочно заехать. Обязательно. Ледников заехал днем, отца дома не было. Мать не выглядела взволнованной, разве что чуть напряженной. Сказала, что уезжает в Братиславу. Там уже несколько лет жила ее подруга с мужем, они преподавали в местном университете, и мать несколько раз ездила к ним в гости.

– Надолго? – рассеянно поинтересовался Ледников.

– Я подписала контракт с университетом – буду преподавать историю искусств. Пока на год, – легко, как о чем-то неважном и давно известном сообщила она. – А если все пойдет нормально, то с продлением еще на три года.

После естественной паузы Ледников недоуменно спросил:

– И как прикажешь это понимать?

Она улыбнулась:

– Просто принять к сведению. Согласись, от моего отъезда в твоей жизни теперь мало что изменится. Практически ничего.

– А отец? Он уже знает?

– Теперь уже знает, – все так же рассеянно, как о чем-то несущественном сказала она.

Ледников помолчал, а потом все-таки спросил:

– У тебя кто-то появился?

---

<sup>1</sup> В названии глав использованы французские идиомы (присущие только данному языку обороты речи) и фразеологизмы (устойчивые словосочетания) разных эпох. – Прим. автора.

«Господи, мог ли он когда-нибудь представить, что спросит об этом свою мать!»

– Да нет, дело совсем не в этом, – засмеялась она. – Не придумывай шекспировских страстей, мой милый Гамлет! Просто мы с твоим отцом давно уже живем как-то врозь... Ну, теперь будем жить врозь в разных странах. Только и всего.

Вечером Ледников позвонил отцу, и тот нарочито будничным голосом поведал, что ничего страшного не случилось, мама просто хочет сменить обстановку, а еще ей давно хочется преподавать, заниматься со студентами и вообще Братислава рядом, а год это не срок.

Вот так у них, Ледниковых, было принято объясняться между собой даже в самых трудных ситуациях. Главное – не нагружать и не напрягать других.

Мать уехала, а через месяц отец ушел в отставку и перестал быть заместителем Генерального прокурора. Как-то неожиданно и стремительно у отца развилась болезнь суставов правой ноги, ему стало трудно ходить. Все чаще он стал прибегать к палке. На самом деле это была шикарная трость с серебряным набалдашником, купленная в антикварном магазине.

Теперь он пишет книги – история прокуратуры, российских прокуроров, разные интересные дела из прошлого, облекая их в форму небольших остросюжетных романов и повестей. Когда Ледников, уйдя из следственных органов, работал в газете, они вместе вели рубрику, в которой рассказывали всякие старые криминальные истории советских времен. Отец описывал сюжеты, а Ледников вводил их в литературное русло. Руководству газеты материалы нравились, потому что там вроде бы разоблачалось советское карательное и телефонное право. Хотя на самом-то деле и тогда все было гораздо сложнее, и многое проистекало не из тоталитарного устройства государства, а из обычных человеческих страстей, слабостей и заблуждений...

Прошло три года. Ледников навещал несколько раз мать в Братиславе, она выглядела вполне довольной своей жизнью, а потом ему вдруг позвонил отец и как-то вскользь, разумеется, как бы между делом, сообщил, что мать возвращается, командировка ее закончилась...

Вот так все просто и буднично. Опять же совершенно по-ледниковски. Будто ничего и не было и ничего не произошло. Жизнь вернулась в привычную колею, и, как это было заведено в их семействе, больше они этой темы не касались – Ледниковы никогда не лезли в души друг другу.

А зимой Ледникову пришла мысль съездить вместе, так сказать, всей семьей на отдых в Испанию. Родители неожиданно легко согласились. Ехать решили в мае, когда еще на Пиренеи не текла с раскаленного неба оглушающая жара, которую отцу уже было трудно переносить.

Отец с матерью поселились в отеле, а Ледников устроился в небольшом коттедже с крохотным двориком неподалеку, принадлежавшем его московскому приятелю-художнику. Тот с большой охотой вручил Ледникову ключи от пустовавшего большую часть года жилища.

В семействе Ледниковых, кроме всего прочего, было не принято чрезмерно докучать друг другу. Поэтому в Испании встречались они в основном за ужином, говорили все больше об испанских нравах и запутанной истории этой страны, сравнивали ее с российской. Тут было о чем порассуждать – только семь веков существования с маврами чего стоили... Даже рядом с монгольским игмом это был срок.

Ледников отвлекся от мыслей о вечной молодости и решил пропустить бокал ледяной сангрии – смеси сухого вина, фруктов и специй, этакой «винной крошки», рецепт которой в Испании можно варьировать бесконечно.

Устроившись в крохотном баре, с холоднющим и мокрым бокалом за столиком, Ледников вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся. Это была молодая женщина в больших черных очках и белом козырьке, надвинутом на лоб. Лица ее практически не было видно, и, тем не менее, Ледников узнал ее сразу. Да и мудрено было забыть ее.

Лера, а точнее, Валерия Олеговна Согдеева, была дочерью компаньона знаменитого олигарха Муромского. Когда началась катавасия с перестройкой и революцией, Олег Согдеев и Муромский прошли вместе весь привычный путь «лихих 90-х» – кооперативы, первые боль-

шие деньги, нефть, банк... Муромский всегда был главным в их паре. В натуре Олега Согдеева не оказалось необходимых для очень крупного бизнеса качеств – честолюбия, агрессии и жестокости, он просто хотел жить по-человечески. Он не считал, что жизнь – это экспансия, что размер прибыли важнее всего, что в бизнесе всегда нужно кого-то жрать, чтобы не сожрали тебя. Он был просто умный. И потому в мире бизнеса оказался чужим. Он начал страдать от регулярных приступов тоски и депрессии. Кончилось тем, что он отправил дочь Леру учиться в Лондон, а сам выбросился из окна во время отдыха в Сочи. По поводу того, что он выбросился сам, существовали большие сомнения, но доказательств обратного сразу не нашли, а потом дело забылось.

Все деньги и акции Согдеева остались жене, которой казалось, что она сильно недополучила в молодости радостей жизни, и хотела получить солидную компенсацию за годы, прожитые в нужде и обидах. Она тут же завела себе молодых любовников, причем нескольких сразу. Они ободрали ее как липку, втянули в безнадежные аферы. В общем, все, что заработал Согдеев перед тем, как выброситься из окна, вдруг куда-то пропало, испарилось.

Лера, к счастью, успела уже окончить университет в Лондоне и вернулась в Москву. Ее мать к этому времени просто свихнулась от наркотиков и распутства. Лера рассчитывала, что со своим британским образованием и с помощью Муромского, который всегда говорил, что память о его друге для него свята, она сделает карьеру и заработает хорошие деньги.

Муромский действительно взял ее к себе на работу. Она стала то ли референтом, то ли советником. Он сказал, что со временем, когда она осмотрится и поймет, что такое бизнес в России, он поможет ей открыть свое дело, а пока... А пока она стала его любовницей, хотя никакого желания на сей счет у нее не было. Она была вынуждена согласиться. Вот и все.

Шло время, открытие собственного дела все время откладывалось, к тому же очень много денег уходило на мать, которая вдруг пристрастилась к походам в казино. Потом господин Муромский пришел к выводу, что держать любовницу в своем офисе – неудобно. На самом же деле там появилась другая девица, посвежее. И он предложил Лере отправиться в Лондон, чтобы наблюдать за его сыном Рафаэлем, вести его хозяйственные дела. Мать тогда после очередного проигрыша разбилась в машине вместе с новым молодым другом, и теперь Лера уже сама захотела уехать из Москвы, надеясь там, в туманном Альбионе, побыстрее абстрагироваться от всей этой московской чехарды, успокоить нервы и решить, как ей жить дальше.

В Лондоне она оказалась один на один с Рафаэлем Муромским. Несколько экзотическое для российских просторов имя сего господина объяснялось просто – его мать была испанкой и носила гордое имя Франциска. А еще они очень не любили друг друга. Вернее, люто ненавидели. Франциска, которая много лет назад вышла замуж за бедного московского фарцовщика Муромского, со временем жутко растолстела и свихнулась от обилия денег, свалившихся на ее мужа. А Рафаэль вырос самым настоящим мерзавцем и подонком.

Вот так они и жили, ненавидя друг друга, пока однажды Муромского-старшего не нашли в бассейне своей виллы под Мадридом, плавающим, как бревно, лицом вниз. Официально объявили, что у него случился сердечный приступ, хотя были большие подозрения, что ему помогли отправиться на тот свет. Кто? Претендентов, согласно толкам испанской прессы, было много. Жена, сын, который тогда, как нарочно, оказался в Мадриде, конкуренты, «русская мафия», мифический КГБ... Муромский не оставил завещания, и между Франциской и Рафаэлем, матерью и сыном, началась жуткая свара за многомиллионное наследство.

Лера Согдеева жила тогда в Лондоне в одном доме с Рафаэлем, но не в его апартаментах, а в скромной однокомнатной квартирке на шестом этаже, отведенном под жилье для слуг и обслуживающего персонала. Она следила, чтобы не пустовал холодильник, платила по счетам.

Что же касается их отношений с Рафаэлем, то его любовницей она не стала. Хотя он этого и добивался. Она видела, что его вовсе не секс интересует. Рафаэлю надо было просто поиметь ее. Именно – поиметь. Для удовлетворения каких-то своих тайных желаний и комплексов. Это

началось еще в Москве, когда она была любовницей его отца. Рафаэль знал это. И может быть, именно поэтому хотел, чтобы Лера отдалась и ему тоже. Зачем-то ему это было очень нужно – поиметь любовницу своего отца. Для него, скоро поняла она, поиметь кого-то – самое большое удовольствие в жизни, подлинная радость и наслаждение. Причем сделать это предпочтительно надо было так, чтобы еще унижить человека, нагадить ему в душу, чтобы не забывал.

Когда началась схватка между матерью и сыном за наследство, Лера подумала, что толстуха Франциска, которую окружала свора хищных испанских адвокатов, вполне может оставить своего отъявленного негодяя сыночка ни с чем. И она решила вытрясти из Рафаэля хотя бы часть денег, которые незадолго до смерти выделил ему отец на покупку завода в Англии, строившего яхты для богачей.

Для этого она разработала замысловатый и дерзкий план, воплощение которого в жизнь требовало немалых сил, фантазии и организационных талантов. Всем этим Лера была наделена с избытком. К тому же план этот вынашивала давно и приступила к его осуществлению еще в Москве, потому что сначала она хотела вытрясти деньги своего отца из Муромского-старшего. Для этого она провела серьезную исследовательскую работу, дотошно копалась в его прошлом, пока не нашла там сюжет, который можно было раскручивать.

Муромский-старший провел свою юность в затрапезном рабочем поселке Майский, где, как гласила поселковая молва, у него остался сын, матерью которого была местная учительница, тихая и кроткая. Расписаны они не были, документов никаких не осталось. Учительницы к тому времени, как Лера заинтересовалась этим сюжетом, уже не было в живых.

Сам предполагаемый сын, которого звали Леонид Горегляд, оказался сильным, красивым парнем, в прошлом десантником и работником милиции, но потерявшим работу из-за ранения, полученного во время задержания опасного преступника. Пенсию он получал нищенскую, бедствовал. Несмотря на боевое прошлое, характер имел зыбкий, неустойчивый. Он всегда колебался, но колебания эти шли не от ума, не от мысли, а от нетвердости и зыбкости характера. То есть совсем не Гамлет, тут другой вариант, более российский, чувствительный, эмоциональный. Наверное, сказалось детство без отца, он вырос под сильным влиянием матери, которая была человеком безответным и робким, не способным на самозащиту. Единственное, что она умела, – уходить от действительности в себя, в мир книг. И фамилия Горегляд подходила ей как нельзя лучше. В классической литературе это, как известно, называется «говорящая фамилия».

Лера отправилась в Майский, отыскала Леню, но тот предпринимать каких-либо усилий в этом направлении решительно не хотел. Он воевал в горячих точках, был ранен, а в это время настоящими героями страны становились те, кто сделал сказочное состояние на обломках империи. О них трубили газеты, их показывало телевидение, а уж слухи об их богатстве ходили самые фантастические. Среди этих героев был и Муромский. Вот тогда-то город и поселок Майский вспомнили своего блудного сына. Поползли самые дикие слухи о тех временах, когда Муромский химичил в местной типографии, и кто-то вспомнил о его близости со Светой Горегляд, а потом, само собой, сын Светы превратился в сына Муромского.

Слух крепчал и потихоньку стал одной из легенд поселка Майский, спорить с которым было уже бессмысленно. Леня, который уходил в армию уже сиротой, никогда и в мыслях не державший, что некий мужик в Москве по фамилии Муромский имеет к нему отношение, вернувшись, тут же получил прозвище «сын олигарха». Никаких возражений никто и слушать не хотел. Самое же подлое и невыносимое было то, что на Леню перенесли часть той завистливой ненависти, с которой относились к новым богачам. Можно было подумать, что Леня что-то от богатств Муромского имеет! А он не имел ничего, кроме дурацких слухов и подозрений, будто ему что-то от богатств «отца» перепадает. И постепенно возненавидел он этого «папашу» по настоящему. И всякое известие о блудном отце вызывало в нем дикое раздражение.

Лере тратить время на уговоры было некогда. Она просто влюбила Горегляда в себя. Сделать это было нетрудно, ибо в поселке Майский таких женщин никогда не бывало. Отдавшись ему, она получила возможность вертеть им как угодно – Горегляд просто потерял голову. Ради Леры он был готов на все. Правда, иногда он мог поинтересоваться:

– А вдруг он, этот Муромский, вообще не отец мне? Если все это слухи и сплетни? Ведь никаких доказательств у меня нет...

– Их нет, потому что ты их не искал, – с улыбкой отвечала Лера. И мысль эта казалась ему неопровержимой, потому что это была уже его собственная мысль. – Я сама слышала, как Муромский, будучи в хорошем подпитии, несколько раз признавался, что у него вполне может быть ребенок... Где-то там, где он был молод... Больше того, в последнее время это становится его навязчивой идеей. А что касается доказательств вашего родства, то они будут. В Москве сделаем генетическую экспертизу с биологическими материалами обоих Муромских – и старшего, и младшего... Они у меня уже припасены. Ошибка тут абсолютно исключена.

Через два дня они были в Москве, где в каком-то серьезном медицинском учреждении Горегляд сдал необходимые анализы и через несколько дней получил официальное заключение. Из заключения следовало, что Муромский-старший и Муромский-младший – близкие родственники.

С этими доказательствами они и отправились в Мадрид, где тогда жил Муромский-старший. Однако им не повезло – олигарха нашли в собственном бассейне, плавающим лицом вниз. Но Леру было уже не остановить. Она придумала новый план. Наезжать на испанскую жену было опасно. Да и плевать она хотела на неведомых детей бывшего мужа, если даже родного сына была готова упрятать куда угодно – хоть за решетку, хоть в сумасшедший дом... Судя по всему, Муромский успел выделить Рафе деньги на сделку по заводу. Пусть делится с братом!

– Придешь к нему, потребуешь долю, – инструктировала Лера. – Ну, этот выродец рода человеческого нормального языка не понимает. Так что придется действовать жестко. Чтобы до него дошло...

Рафа, как она и предупреждала, разговаривать вообще не пожелал, сказал, что детям лейтенанта Шмидта не подает, а в следующий раз вообще сдаст в полицию. Пришлось действовать по жесткому варианту. В театре сыпанули ему азелептин в бокал, когда его повело и он перестал соображать, подхватили под руки, погрузили в машину и отвезли на квартиру, где приковали к батарее. Предлагали подписать документы о переводе денег на счета, которые завела Лера. Но Рафа оказался тем еще перцем – визжал и обдeldывался от страха, но деньги отдавать не хотел.

Кончилось все более чем печально – сообщника Леры застрелила полиция, а у Рафаэля от пережитого помутился рассудок. Он, тем не менее, уже ничего не соображая и подвывая от ужаса, прибрел домой, к Лере...

Ледников знал всю эту историю достаточно подробно, потому что сам в то время был в Лондоне и оказался в нее замешан. Несчастного Горегляда полиция, обнаружившая квартиру, где держали Рафу, пристрелила, когда тот пытался бежать. А с Лерой, хоть на нее не пало никаких подозрений, тогда произошла метаморфоза, на которую может быть способна, наверное, только русская женщина. Она вдруг поняла, что ее долг теперь – спасти свихнувшегося Рафаэля от сумасшедшего дома, заботиться о нем, потому что больше это сделать некому.

Потом уже в Москве Ледников прочел сообщение в газетах:

«Госпожа Валерия Согдеева, доверенное лицо российского бизнесмена Рафаэля Муромского, выступила с заявлением, в котором говорится, что есть все основания бороться за наследство господина Муромского-старшего с его испанской супругой сеньорой Морьентес, проживающей в Мадриде.

Сам Рафаэль Муромский уже долгое время тяжело болен. Болезнь его связана с серьезными психологическими потрясениями и тяжелым нервным истощением. Слухов вокруг при-

чин его болезни ходит множество. Врачи не делают пока никаких прогнозов. Хотя и подтверждают, что бывают моменты просветления, во время которых Рафаэль Муромский вполне дееспособен.

Госпожа Валерия Согдеева заверяет, что она никому не позволит воспользоваться нынешним состоянием господина Муромского и сделает все, чтобы его интересы и права были соблюдены. Борьба между ней и сеньорой Морьентес, у которой весьма сложные отношения со своим сыном, судя по всему, будет долгой и трудной. Предсказать ее итог не представляется возможным».

И вот теперь эта женщина сидела в нескольких шагах от него в испанском баре. Она явно узнала его. Подойти и поздороваться? Зачем? Осведомиться, как здоровье Рафаэля и как там тяжба вокруг наследства? Но на кой ему знать это!

Размышляя так, Ледников вдруг ясно почувствовал, что двое молодых людей с цепями на здоровенных шеях за столиком в углу наблюдают за Лерой. То есть попросту, «пасут» ее. Причем было совершенно очевидно, что два этих бугая, один тонконосый шатен с близко посаженными глазами, а второй натуральный кавказский джигит, их соотечественники, из чего следовало, что Лера опять замешана в какую-то сложную игру. Впрочем, если принять во внимание размеры наследства Муромского, за которое она сражалась, было бы удивительно, если бы было бы иначе.

Лера встала.

Интересно, подойдет она? Если подойдет, подумал Ледников, эти два бугая сразу заинтересуются, что тут за персонаж объявился. И последствия такого интереса могут быть непредсказуемы...

Лера прошла мимо, но уголки ее губ чуть дернулись вверх, что можно было принять за приветствие. То есть она давала Ледникову понять, что узнала, но подойти не считает нужным или возможным. Значит, ситуация действительно опасная. И поди угадай, какую игру ведет эта незаурядная дама сейчас.

– Ты думаешь, она тебя узнала?

– Уверен.

Они с отцом сидели после ужина на веранде ресторана, попивая кофе и слушая, как волны ритмично набегают на берег.

Дневное пекло спало, с моря тянуло прохладой. В общем, «ночной зефир струил эфир». Мать пожаловалась на головную боль и поднялась в номер. Так что они могли разговаривать открыто, не боясь разволновать ее ненужными подробностями дел давно минувших времен.

– Но подойти не захотела, – задумчиво сказал отец. – Почему?

– Кто ее знает? – пожал плечами Ледников. – Женщина она непростая. Как говорят в Галисии – *las Meigas*.

– И что сие значит?

– «Ведьма», если речь идет о женщине. Либо человек, имеющий некий магический дар и заключивший сделку с дьяволом. Пожалуй, к ней даже больше подходит второе.

– То есть она опасна?

– Ну, если вспомнить, какую комбинацию она разыграла с Муромскими, до какого состояния довела Рафаэля...

– Но, надеюсь, к тебе это отношения не имеет?

– Я тоже надеюсь.

Отец подозвал официанта, попросил принести счет.

– Ты говоришь, за ней следили?

– Да. Впрочем, если учитывать, в игре на какую сумму она принимает участие, это неудивительно. Сотни миллионов евро – очень большие деньги. Может быть, это была ее охрана...

– Может быть. Но пока эти деньги ей не достались. И неизвестно, достанутся ли вообще. А если и достанутся, то когда... Такие тяжбы вокруг наследства без ясного завещания – а Муромский такого завещания не оставил – длятся годами. Люди разумные идут в таких случаях на мировую, не дожидаясь, пока их разорят адвокаты.

– Мне кажется, ненависть матери и сына достигла такой степени, что мировая уже невозможна.

Отец чуть заметно усмехнулся:

– Муромский-старший выдержал свою роль до конца. Думаю, он просто не мог написать завещание. Ни физически, ни психологически. Видишь ли, все деньги, которые попадали в его банк, он совершенно искренне считал своими. Это были теперь его деньги, и тот, кто хотел их забрать обратно, становился заклятым врагом, в отношении которого были дозволены любые средства. Что уж говорить про бюджетные деньги, которые попадали на его счета... Его служба безопасности работала без выходных, защищая своего хозяина. А кроме нее, у него была еще криминальная крыша, которая решала дела с коллегами своего разлива. При этом сам Муромский был порядочный трус, но когда дело доходило до денег, у него отключался даже страх, он впадал в истерическую злобу, буквально обезумевал, как загнанная в угол крыса.

Официант принес счет. Ледников рассчитался.

– Пойду к себе, – поднялся он. – Книжку читаю. Что-нибудь про любовь. Не хватает еще в Испании про наших бандитов думать.

Отец пристально и со значением посмотрел на него. Ледников успокаивающе поднял руки вверх.

– Я все понимаю сам. Вокруг денег Муромского крутится масса самого разного народа, готового на все. Поэтому никакого желания участвовать в каких-либо делах этой ведьмы, играющей с дьяволом, у меня нет.

– Как раз это я и хотел услышать, – улыбнулся отец.

## Глава 2

### Aguzar las pasiones

### Разжигать страсти

Мобильник зажужжал где-то около двух часов ночи. Ледников долго смотрел, как телефон елозит по столу, потом все-таки нехотя встал. Он был совершенно уверен, что звонит Лера, и, взяв мобильник, уже придумывал легенду, доходчиво объясняющую, почему они никак не могут встретиться.

Но это была не она. Из Москвы звонил хозяин коттеджа. Приятель был сильно навеселе, как и положено настоящему художнику. Если учитывать, что в Москве было уже четыре утра, можно было понять, что загуляли там основательно.

– Тимофей, что тебе там не спится, – пробурчал Ледников, зевая и вздыхая. – У нас уже два часа ночи.

– Ледников, кто в Испании спит об эту пору? Там у вас все только начинается!

– У кого, может, и начинается.

– Старик, тут такое дело... У меня там есть приятельница, журналистка, которая зачем-то занимается нашими бандитскими делами. Я случайно проболтался, что ты можешь поведать ей кое-что интересное, ну и...

– Что и?

– Завтра она тебе позвонит... А может, и прямо заявится поутру – она дама решительная и настойчивая. Ты уж не отшивай ее сразу, ладно? Расскажи там пару историй из своего боевого прошлого.

– Что имеешь в виду?

– Ну, что-нибудь про нравы и обычаи наших бандюков... Она будет счастлива.

– Так она что – испанка?

– Испанка! Не вздумай ей такое сказать! Она – каталонка. А Каталония, запомни, не Испания. Ну, сам понимаешь, «Реал» и «Барса», Мадрид и Барселона и все такое прочее... Девка, кстати, классная. Потом спасибо скажешь. Только уж больно идейная, на предмет каталонской независимости сдвинутая. Ты с ней на сей счет не шути – не поймет.

– Нурия, – представилась она. И тут же добавила:

– Вполне обычное каталонское имя. В паспорте – Нурия Жоффрен.

Ледников кивнул. Все понятно, бедняжка всю сознательную жизнь объясняет, что у нее не арабское, а обычное каталонское имя. И, разумеется, она сразу заметила тень удивления, отразившегося на его лице, когда он услышал это самое «Нурия». На самом же деле его удивило не имя, а то, что девушка вполне прилично говорит по-русски. Вот это для Каталонии уже действительно необычно.

Он посмотрел на свои голые ноги, запахнул поплотнее халат, в котором вышел к калитке, и предложил:

– Пойдемте, выпьем кофе.

Нурия мило улыбнулась и прошла во дворик коттеджа.

Оставив Нурию снаружи, за круглым плетеным столиком, он отправился на кухню – готовить кофе. По дороге скинул халат, натянул джинсы и майку. С улыбкой подумал, что надо было бы надеть белую майку ненавистного поклонникам «Барселоны» мадридского «Реала». Но, с одной стороны, у него такой просто не было, а с другой – дама могла за это и кофе вылить на голову – нрав у нее, совершенно очевидно, был горячий. Кстати, сама она была в классических сине-гранатовых цветах «Барселоны».

Можно было осмыслить первые впечатления. Девушка, как выразился Тимофей, действительно классная. Высокая, практически одного роста с Ледниковым, выразительные темные глаза, крупный, но изящный нос, каштановая грива, вольные, раскованные движения... Вполне может сойти за супермодель. Судя по реакциям, естественным и спокойным, без всякого кокетства, умна и знает себе цену. Выглядит молодо, хоть, пожалуй, уже к тридцати. Но откуда русский язык?

– И откуда же у каталонки такой русский? – поинтересовался он, когда кофе был продегустирован и вежливо одобрен.

– Выучила. Начинала еще в университете на филологическом, была в России... А главное, несколько лет работала с вашими туристами, которых с каждым годом приезжает все больше и больше.

– Работала?

– Да, года четыре назад друзья предложили попробовать себя в журналистике – писать о русских в Каталонии. Ведь их с каждым годом все больше. Я попробовала, и вот... Теперь пишу о русских у нас.

– О русских или о русской мафии? – уточнил Ледников.

– В последнее время больше о мафии. Знаете, я не хочу, чтобы Каталония стала прибежищем для ваших бандитов и преступников. Нам хватает своих.

– Понятно. Но... Уж коли вы специализируетесь на российском преступном мире, должны знать, что понятие «русская мафия в Испании» – слишком широко и неверно. Среди уголовников, нашедших здесь прибежище, весьма много представителей новых, так называемых постсоветских государств. Например, грузин.

– Мы их не различаем. Они для нас все одинаковы, – безапелляционно отрезала Нурия. Вот так – не различаем, и различать не хотим. – Странно слышать это от представительницы гордой Каталонии.

Представители гордой и независимой Грузии вас бы не поняли.

– Когда речь идет о свободе и культуре, я различаю Грузию и Россию. Но никакой разницы между преступниками не вижу, – ничуть не смутилась Нурия.

– Понятно, – кивнул Ледников. – Так называйте их грузинской мафией. Почему именно русская?

– Потому что все они вышли из России.

Ледников вздохнул. Такова она, судьба больших народов, – все грехи и зло от них, а все светлое и доброе – вопреки им. А ведь в жизни и истории бывает и наоборот. И бывает весьма часто.

– Ну, что ж, будем считать, что с теоретической частью мы покончили, – усмехнулся Ледников. – Перейдем к делам практическим. Что вас интересует? Что вы рассчитываете от меня узнать?

Нурия решительно отодвинула от себя пустую чашку.

– Вы знаете, что сейчас в Мадриде идет процесс над вашим вором в законе Георгием Арчиловым. Его кличка – Сатрап.

– Слышал краем уха... Но без особых подробностей. Я все-таки приехал сюда отдыхать, – напомнил Ледников.

Нурия просто пропустила это уточнение мимо ушей.

– Его обвиняют в отмывании денег, организации преступного сообщества, торговле оружием и людьми...

– В Испании, – уточнил Ледников. – Всем этим он занимался уже в Испании.

– Да, уже здесь, у нас. Он прибыл сюда десять лет назад. Обзавелся несколькими виллами, каким-то легальным бизнесом, но занимался тем же самым, чем занимался в России. После известной операции «Шмель», во время которой были задержаны сразу два десятка членов

«русской мафии» в Испании, на него были получены показания... Но Сатрап бежал. Он был объявлен в международный розыск и полтора года назад задержан в Арабских Эмиратах и выдан Испании...

Ледников слушал рассеянно. Богатую событиями и смертями историю вора в законе Сатрапа он знал получше этой напористой каталонской красавицы, однако решил этого не демонстрировать. Во всяком случае, пока. В конце концов, он действительно на отдыхе.

– И что испанская прокуратура? – поинтересовался он.

– Она требует для него четырнадцать лет лишения свободы.

– Прилично.

– Но он отвергает все обвинения! – воскликнула Нурия.

– Разумеется.

– Он выдает себя за добропорядочного бизнесмена, любящего отца двух маленьких детей, с которыми его разлучили. На вопросы отвечает на довольно приличном испанском языке. Говорит, что следствие ввели в заблуждение, он вовсе не главарь организованной преступной группировки и не имеет сообщников. И вообще он никогда не занимался торговлей оружием и не владел в Москве крупными казино, откуда его банда и получала деньги, которые отмывала в Испании.

– Я надеюсь, у прокуратуры есть доказательства?

– Прокуратура утверждает, что, кроме отмывания денег, его группировка помогала одной частной российской нефтегазовой компании «Петро» проникать на испанский рынок. По данным следователей, не только испанских, но и швейцарских, сам Сатрап владеет пакетом акций «Петро»...

– Он и это отрицает?

– Нет. Но он говорит, что пакет этот совсем небольшой. Он действительно, приехав в Испанию, хотел вести дела вместе с «Петро», но быстро понял, что у него ничего не получится. Он не богат, но на приличную жизнь ему хватает, и потому он вовсе не собирался рисковать своим положением в Испании. Так что здесь он просто жил, растил детей и учил их испанскому языку. А главная его цель – чтобы дети получили испанское гражданство и стали полноценными гражданами Испании. Страны, в которую он влюблен и которой не может сделать ничего плохого, – скривила губы Нурия.

– Очень трогательно.

– В общем, он утверждает, что его оклеветали некие силы.

– А о том, что он стал жертвой русского империализма, который отнимает у граждан независимой Грузии бизнес, мстя им за свободолюбие и любовь к демократии, сеньор Сатрап не говорил? – невинно поинтересовался Ледников.

По тому, как Нурия на какое-то время запнулась, можно было сделать вывод, что Сатрап разглагольствовал и на сей счет. Но пламенная каталонская сепаратистка не хотела об этом говорить – ей не хотелось, чтобы сии дорогие ей мысли были связаны с таким персонажем, как Сатрап. В общем, обычная история – не лапайте хрустальную мечту моего детства своими грязными руками, хоть придется понять, что лапать будут неизбежно.

– На суде еще шла речь о том, что он пытался бежать из тюрьмы, для чего предлагал тюремщику взятку в двадцать тысяч евро, – продолжала перечислять подвиги Сатрапа Нурия. – Но он утверждает, что всего лишь просил тюремщика тайком приобрести ему мобильный телефон, чтобы говорить с семьей и детьми.

– Телефон за двадцать тысяч евро? Видимо, не простой телефон.

– Он сказал, что назвал эту сумму в шутку, просто так...

– И что суд? Поверил?

Нурия пожалала плечами:

– Не знаю.

– Так что вас беспокоит? Мало ли какую чушь Сатрап будет нести, чтобы выглядеть добропорядочным бизнесменом. Благородный и независимый испанский суд разберется.

Нурия саркастически улыбнулась:

– У меня впечатление, что суд идет как-то не так...

– Что доказательства обвинения слабы? Или у Сатрапа очень сильные адвокаты?

– Адвокаты у него действительно хорошие. Вчера суд объявил перерыв, что адвокаты Арчилова уже сочли хорошим знаком. По их словам, «складывается ощущение, что у суда недостаточно доказательств виновности обвиняемого»... Суд объявил перерыв и может выпустить Сатрапа под залог! Вы представляете себе!

– Ну, наверное, ему запретят покидать Испанию...

– Да, и обяжут являться два раза в неделю в полицейский участок – по понедельникам и четвергам!

Ну, вот мы, кажется, и добрались до сути визита, подумал Ледников. Предисловие закончилось, сейчас сеньора перейдет к делу.

– Я хочу воспользоваться перерывом и опубликовать несколько материалов, доказывающих, что Арчилов – самый настоящий преступник, заслуживающий самого строго наказания, – сурово объявила Нурия. Выглядела она при этом непреклонной и неумолимой воительницей древнего мира.

– То есть хотите оказать давление на суд? – уточнил Ледников.

– Да! И меня никто не остановит. Я не собираюсь безучастно наблюдать, как наша страна становится прибежищем бандитов и уголовников, которые насаждают у нас свои порядки!

Глаза Нурии пылали искренним гневом. Искренние чувства всегда впечатляют, даже если за ними сомнительные основания. А уж когда и основания заслуживают уважения...

– Я так понимаю, вы хотите, чтобы я дал вам какую-то информацию на сей счет? – серьезно спросил Ледников.

– Да, именно для этого я и приехала.

– Видите ли, я давно не занимаюсь подобными делами. Я не располагаю ни официальными данными, ни документами. Все, что я могу – высказать кое-какие общие соображения на сей счет. Но вряд ли на их основе можно предъявить суду что-то серьезное.

Нурия отодвинула от себя давно пустую чашку.

– Понятно. Ну, что ж...

В голосе ее явно прозвучала насмешка и чуть ли не презрение. А как еще относиться к тому, кто не хочет участвовать в освобождении прекрасной Каталонии от ужасных «русских бандитов». Только когда таких же бандитов брали в Москве, она наверняка обрушивала свой гнев на российских империалистов, которые занимаются в своей столице этническими чистками.

Он проводил Нурию до калитки. На улице ее ждал зеленый «ситроен». Она уселась в машину. Откинулась прямой спиной на спинку кресла, вытянутые прямые руки положила на верхнюю часть руля и на какое-то мгновение замерла в этом положении. В этот момент она будто сливалась с машиной, превращаясь в одно целое с ней.

У Ледникова гулко заколотилось сердце. Именно так чувствовала себя в машине Анна Разумовская, его Анетта, женщина, которая вошла в его жизнь еще в студенческие годы и никогда не уходила из нее, что бы ни происходило. «Мы будем всегда», – часто говорила она, и у Ледникова не было оснований ей не верить. Но два года назад ее убили в Швейцарии – ее машину столкнул в пропасть грузовик. Ледникову тогда удалось выяснить, кто именно это сделал, и свести с ними все счета, но Анетты Разумовской уже не будет рядом никогда.

Он вдруг обнаружил, что «ситроен» Нурии давно скрылся, а он стоит один на улице под палящим солнцем и не понимает, что теперь ему делать.

И весь долгий и невыносимо жаркий день мысли о прошлом не покидали его. Нахлынувшие воспоминания о Разумовской слились со строками поразившего когда-то рассказа Бунина «Холодная осень».

В нем холодным осенним вечером русский офицер, уходя на войну, прощается с невестой и говорит: «Если меня убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, а потом приходи ко мне...» Его убили через месяц, а она прожила длинную, полную страданий и одиночества жизнь. И уже в самом конце ее поняла, что в ней, в этой самой жизни, не было ничего более важного и прекрасного, чем тот последний вечер небывало холодной осени, и что жила она с верой, что он ждет ее где-то там, такой же молодой и прекрасный.

Так и Ледникову теперь хотелось верить, что Разумовская, молодая, ничуть не изменившаяся, ждет его там и простит ему все прегрешения и слабости, когда они встретятся.

За ужином с родителями он был столь молчалив и рассеян, что они посматривали на него озабоченно, пришлось сослаться на головную боль. Вернувшись в коттедж, растворил окна и плюхнулся, не раздеваясь, в нагретую за день и все еще не остывшую постель.

Ты поживи, а я буду тебя ждать там... Ты поживи, а я буду тебя ждать там...

## Глава 3

### Vaya tios!

### Знай наших!

Это был уже ставший привычным за несколько дней в Испании добропорядочный семейный ужин – Ледников, мать и отец. Пили вино, рассуждали о достоинствах каталонского кулинарного стиля *mar i muntanya*, в котором сочетаются вроде бы несочетаемые продукты моря и гор, например фрикадельки из ягненка и каракатица или курица и креветки, в общем, самые неожиданные контрасты вкусов, температур и фактуры: типа кальмаров с шоколадом или гуся с грушами...

А еще Ледников просвещал родителей на предмет великого футбольного противостояния «меренгос» и «блауграны», «сливочных» и «синегранатовых», «Реала» и «Барсы», Мадрида и Барселоны. Противостояния, за которыми не какие-то куцые футбольные споры, а скрежущее и безжалостное столкновение жизней, философий, безудержных и неумолимых, как рок, страстей.

О, это древнее противоборство двух самых крупных испанских городов – имперского, стройного, делового Мадрида, вознесенного волей короля на месте не выдающейся ничем деревушки в центре государства на полуострове, и красавицы Барселоны, возникшей на месте древнеримского города между морем и двумя высоченными холмами. «Реал» как представитель единого государства, подчинившего и вознесшего народы и провинции, и Каталония, которая всегда помнит о том, что хочет отделиться от Испании и быть только сама собой... В самом начале Гражданской войны в Испании франкисты заняли Барселону и расстреляли президента «сине-гранатовых». Диктатор запретил каталонскую автономию и каталанский язык, и единственным местом, где говорили на каталанском, остался стадион «Ноу Камп».

Только на стадионе каталонцы могли тогда выкрикнуть слова нескончаемой ненависти в лица футболистов мадридского «Реала», и именно тогда на стадионе «Барселоны» был развернут знаменитый плакат «Каталония – не Испания», который и сейчас присутствует на всех битвах между «белыми» и «сине-гранатовыми»... И было сказано тогда: «Мы собираемся здесь во имя нашей борьбы потому, что „Барса“ больше чем клуб». Это словосочетание «*Mes que un Club*» («Больше чем Клуб») становится девизом «Барселоны» навсегда... Благодаря другу-художнику, Ледников был на этих играх между «Реалом» и «Барсой», так называемом *El Clasico*, и в Мадриде, и в Барселоне. И он видел, как это бывает, своими глазами.

Вот по Мадриду, по Кастильяне, где уже зажглись вечерние огни, в окружении полицейского кортежа медленно движется громадный бас, на ветровом стекле которого красуется надпись «*F. C. Barcelona*».

«Пута „Барса“, пута „Барса“! Хей! Хей!» – беснуются болельщики «Реала». «Барселона» для них всегда только *puta*, шлюха, которую они могут только презирать и ненавидеть. А ведь недавно еще были времена, когда автобус неотступно «вели» от гостиницы до самого стадиона, закидывая камнями. Сейчас времена иные, политкорректные, везде полиция и камеры слежения, а когда-то... Еще несколько лет назад, когда каталонцы победили на «Сантьяго Бернабеу», «мадридисты» выбили в нем все стекла, а футболисты лежали на полу, закрыв головы руками, осыпаемые звенящими осколками. Сегодня уже не то, но игроки из Каталонии в Мадриде идут в раздевалку с каменными лицами, погруженные в себя – ни дать ни взять солдаты, отправляющиеся на войну. В Барселоне же белостеклянную тушу автобуса «Реала» встречают воплями «*Mandrill, mandrill! Ovejas, ovejas!*». «Овцы» – презрительная кличка «мадридистас». Их снежно-белый автобус подъезжает к сине-гранатовому жерлу «Ноу Камп» словно чужеродное создание из иного мира. Однажды один модный дизайнер, которому поручили сделать

новый дизайн синегранатовой формы, ввел туда новый и чрезвычайно, на его взгляд, изысканный элемент – тончайшую белую полосу. Дизайнер был проклят и изгнан, а святотатственная форма чуть ли не сожжена. Чтобы никто не мог видеть этого позора – белого рядом с синегранатовым...

Знаменитый португальский футболист Луиш Фигу как-то сказал, тщательно подбирая слова: «В футболе множество неприятных вещей. Но ничего нет страшнее, чем перейти из „Барсы“ в „Реал“. Или наоборот. Ты становишься Иудой». Великий футболист, перебравшийся из Барселоны в Мадрид, он на себе испытал все прелести такого действия. Даже в Мадриде он передвигался только с охранниками. В Барселоне же пытались поджечь его дом. Во время игры на «Ноу Камп» в него бросили бутылку виски и свиную голову. А когда каталонские болельщики прорвали полицейский кордон, Фигу вынужден был бежать от фанатов, вчера еще поклонявшихся ему. Знаменитая радикальная группировка барселонских болельщиков «Voixos Nois» провела акцию ритуального сжигания футболок Фигу за пределами города, которую снимало местное телевидение...

Мать слушала с улыбкой, отец с некоторым изумлением – оба они от футбола были совсем далеки. Но тут-то дело было не в футболе, не в ударах ногой по мячу, а совсем в ином – в страстях и заблуждениях человеческих.

– Ты что – болельщик «Барселоны»? – решил уточнить отец.

– Я? Нет, для этого я слишком хорошо знаю, чем обычно оборачивается борьба с империализмом. Трогательные интеллигенты, заботящиеся о своих культурных корнях, неминуемо начинают выступать «за отделение цивилизованных развитых регионов Северной Италии «от мафиозного нищего юга». А романтические каталонские сепаратисты морщатся от того, что им надоело кормить «отупевших от бесконечной сиесты дармоедов из Андалусии», которые мало того что ленивые нищие, так еще и «полуарабы»... И расширения своих прав, оказывается, невозможно добиться без унижения других? Если нет боязни, что империя тебя накажет, можно глумиться. Как сказал мне один знакомый, испаноязычных в Каталонии скоро обяжут вешать отличительный знак на рукав.

– Ну, это преувеличение, – улыбнулся отец. – И сильное.

– Да, но ведь дети испаноговорящих, живущих в Барселоне, не имеют теперь возможности учиться здесь на испанском языке. Вообще, мне сдается, в идее каталонской независимости есть банальная политическая спекуляция. Пляска с бубном и искусственное разжигание страстей на пресловутом трехвековом угнетении каталонской культуры. Угнетение давным-давно закончилось, но... Во-первых, извольте расплатиться с нами. Во-вторых, теперь мы свою уникальность будем внедрять всеми имеющимися средствами, в том числе и насильно... И цель здесь понятна. Что мы ее не знаем? Чем больше автономии, тем больше возможностей у местной власти плодить кормушки для себя и близких – местечковые министерства и институты, иностранные представительства и прочая, и прочая. Молодые особи с некрепкими мозгами тем временем расписывают заборы экстремистскими надписями и жгут на улицах портреты короля и испанские флаги... А группа местных старшин на этом фоне хапает все больше и больше...

– Совершенно украинская ситуация, – вздохнул отец.

– Вот именно. Со своими тараканами. И уже в ход идут идеи о превосходстве каталонской нации, которая может позволить себе все – ей, видите ли, положено за годы угнетения... А скажи каталонцу, что тут сейчас ущемляют права испаноговорящих, он тебе скажет, что это не проблема каталонцев. Вот так изящно. Они замкнулись в своих проблемах и считают, что имеют на это полное право, даже когда задевают или обижают других. Они уверены, что им можно, им простительно, это справедливо и нельзя осуждать... Можно в разговорах между собой презрительно называть остальных испанцев «потомками андалусской цыганвы» и принципиально не переходить на испанский в разговоре с ними. Это принципиальное «непонима-

ние» языка «поработителей», хотя этот язык один из самых распространенных в мире... Зато со счастливой улыбкой говорить на жутком английском...

– А ты помнишь, что писал об испанском сепаратизме Хосе Ортега-и-Гассет? – негромко спросила мать. – Еще в 1920 году? – Мать преподавала много лет в университетах. И потому ее реплики зачастую носили академический характер. Но эта тема не была для нее сугубо умозрительной. Несколько последних лет она провела в университете Братиславы, а известно, что отношения словаков с чехами, которых словаки называют немцами, весьма напоминают отношения испанцев и каталонцев.

– В «Дряхлеющей Испании»? – вспомнил Ледников.

– Да.

– Ну, не буквально...

– А писал он, что каталонцы жалуются на угнетенное состояние, хотя они самый привилегированный народ Испании. Но нынешняя Испания одряхла и не может предложить нации ни грандиозного проекта, ни великих предприятий, ни чудесных идеалов... И в такой ситуации неминуемо возникает вопрос: а стоит ли нам жить вместе? Ибо жизнь – движение вперед, направленное от настоящего в будущее. И только бледных отзвуков пусть и великого, и героического прошлого тут недостаточно. Ну, что-то в таком духе, – махнула рукой, словно стесняясь чрезмерного пафоса, мать.

– Пусть так, но самим-то нужно отвечать за себя, за то, что вами двигает... При этом, наверное, нужно еще оставаться приличными людьми. А то все и всех засовывают в свой узколобый национализм, как в испанский сапог. И попробуй в нем уйти далеко.

## Глава 4

### Poner sal en la mollera

#### Насыпать соль на затылок (вправлять мозги)

В какой-то момент он, видимо, заснул. Потому что вдруг увидел в дверном проеме чью-то фигуру и никак не мог понять, откуда она взялась. Человек несколько раз негромко стукнул в распахнутую дверь.

– В чем дело? – по-испански спросил Ледников. – Кто вы? Что вам надо? – Подобные загадочные визиты не нравились ему по определению.

Негромкий женский голос ответил по-русски:

– Это Лера... Согдеева...

Вот так. Всего-навсего. Ледников спустил ноги на пол, пригладил волосы.

– Только не включайте, пожалуйста, свет! – предупредила она. Вот только этого и не хватало – сидеть в темноте. – И к чему такая таинственность? – раздраженно спросил Ледников.

– Просто я не хочу, чтобы нас видели вместе.

– Кто?

– Я вам сейчас расскажу...

– А это обязательно – мне рассказывать? Я что-то не помню, чтобы обещал вам помогать...

– А мне больше не к кому обратиться.

– И вы думаете, это меняет дело?

– Но вы ведь не выгоните меня.

– Рассчитываю, что вы уйдете сами.

– Но выслушать меня вы можете?

– Зачем? – холодно осведомился Ледников. – Вам что, хочется просто высказаться перед кем-то? Вряд ли. Вы не из таких. Значит, вам что-то обязательно понадобится. Не знаю что именно – помощь, информация, может, просто совет... Но я-то тут при чем?

– Тогда, в Лондоне, мне показалось, что вы – человек, который не отталкивает руку, протянутую за помощью.

– Все зависит от того, чья это рука.

– Понятно. Я готова заплатить, если...

– Послушайте, Лера, я вовсе не частный детектив, который ищет работу. У меня совсем другая специальность. А здесь я и вовсе на отдыхе.

– Я знаю. И все же...

– Ладно, заходите. Пойдемте на кухню, что ли...

Вытащив из холодильника бутылку минеральной воды и сделав пару больших глотков, Ледников подумал, что сейчас лучше всего было бы не слушать чужие тайны, а выкупаться в ночном море. Но предлагать сие упражнение нежданной гостье он не стал, потому как это вряд ли входило в ее планы.

– Итак, я вас слушаю, – сказал Ледников.

Вежливо выслушать и вежливо, но твердо расстаться – таков был его немудрящий план. Было ясно, что выпроводить ее просто так не удастся. Она явно настроена изложить свое дело.

Лера подошла к окну, тревожно оглядела пустой, залитый лунным светом дворик.

– Чего вы так боитесь? – хмуро спросил Ледников. – За вами что – следят? Вам угрожают?

– И следят, и угрожают.

– И кто же?

Лера повернулась к нему лицом:

– Вы знаете, в какой мы сейчас с Рафой ситуации?

– Что-то слышал. Но и только. После Лондона я, признаться, не следил за вашей деятельностью. Вы уж извините.

В нем уже проснулся хитрый и внимательный следователь, давно знающий свое дело и ведущий себя согласно обстоятельствам. В данной ситуации самое выгодное было – показать ей, что он совсем «не в теме», и выслушать ее интерпретацию истории. А потом, уже сопоставив то, что он знает, с тем, что услышал, попытаться понять, какую игру ведет эта хитроумная *las Meigas*.

– Кстати, если вас интересует мое мнение, вам следовало изначально идти на мировую и попросту разделить наследство Муромского...

– Мать Рафы, сеньора Морьентес, категорически не хотела этого... Нам пришлось обращаться в суд. Но дела Муромского оказались слишком запутанными, разбирательство тянется и тянется, а у нас с Рафой просто заканчиваются деньги. Его лечение стоит очень дорого, если учитывать, что здесь требуется строгая конфиденциальность. Я не хочу, чтобы его состояние обсуждали в газетах и полоскали по телевидению.

– Думаю, в Испании сеньора Морьентес обладает определенными преимуществами.

– Разумеется, здесь она своя, и испанцы заинтересованы в том, чтобы деньги остались в стране. Но дело не только в ней, но и в ее адвокатах. Сама она только глупая и жадная баба, но ее окружает свора адвокатов, которая кормится на этом процессе. А один из них, некий Гонсало Навас, по-моему, рассчитывает после победы прибрать к рукам все деньги. Она испытывает к нему тяжелую страсть пожилой женщины, и он крутит ею как хочет. А мы с Рафой противостояем им практически одни.

– У вас что же, нет адвокатов?

– Есть, но они, во-первых, были не самые лучшие. А во-вторых, как я установила, фактически работали на того же Наваса...

– Вы сказали – были? – уточнил Ледников.

– Да, потому что сейчас у нас новые адвокаты.

– А на них вам денег хватило? Откуда же они взялись?

– Откуда... Представьте себе, из России.

– Вот как. Любопытно.

– Еще как! В один прекрасный день ко мне явился элегантный мужчина лет тридцати пяти в очках без оправы, со странным маленьким ротиком, похожим на куриную гузку, и чудной русской фамилией Келлер... – Лера внимательно посмотрела на Ледникова, явно пытаясь уловить, какое впечатление произвело на него это известие. Но лицо его было непроницаемо. – И сказал он мне, что знает все наши с Рафой затруднительные обстоятельства и готов помочь. Вернее, это готовы сделать серьезные люди, интересы которых он представляет.

Ледников понимающе кивнул. Ситуация потихоньку прояснялась. – И на каких условиях? Сколько процентов от наследства Муромского он за это потребовал?

Лера чуть помедлила.

– Пока конкретные цифры не назывались. Было сказано, что к ним мы вернемся после окончания суда. Но, думаю, процент будет серьезный. Потому что мне объяснили, что серьезные люди – это партнеры Муромского еще со времен первоначального накопления капитала. И я, зная судьбу своего отца, должна понимать, что это правда, так как Муромский патологически не любил отдавать долги, а тем более, делиться.

Ледников повертел в руках бутылку, отпил еще пару глотков.

– И кто же эти серьезные люди? Их фамилии не звучали?

– Пока нет.

– Господин Муромский действительно кинул в своей жизни очень многих...

Лера усмехнулась: – Я бы даже сказала – слишком многих. Весь его бизнес держался на этом. Вернее, это был его бизнес – кидать других.

– Ну и что было дальше?

– А дальше мы попали под плотную опеку наших благодетелей. Кроме адвокатов, за нами с Рафой присматривают несколько громил, якобы заботящихся о нашей безопасности.

В том, что это правда, Ледников мог убедиться сам днем в баре на пляже.

– Ну что ж, честно говоря, тут нет ничего удивительного, – решил подвести он какие-то предварительные итоги. – Деньги Муромского слишком велики и слишком грязны, чтобы не появились охотники оторвать себе от них кусок. Вы должны были это понимать, когда встретили в историю с дележом наследства.

– Что именно я должна была понимать?

– Понимать, что решили взять не по чину – силенок не хватит. Если за той же сеньорой Морьентес испанское государство, готовое при нужде вступить за нее, то кто за вами?

– Я все это понимаю. Как понимаю и то, что после того, как нам удастся что-то отсудить, благодетели заставят перевести деньги на нужные счета, а потом... Хорошо, если меня хотя бы оставят в живых, а скорее всего, убьют... Рафу упрячут в сумасшедший дом. Все это я прекрасно понимаю.

– Ну, зачем вас убивать? Если у вас отнимут деньги...

– Потому что это – бандиты. Нормальные российские бандиты, которые решают вопросы без всяких там изысков, самым простым и доступным их соображению путем.

Ледников медленно допил воду, встал и сунул пустую бутылку в мусорное ведро.

– Ну и что дальше?

– Вы хотите спросить, какое вам до всего этого дело?

– А что еще я должен, по-вашему, спросить?

– То есть вы не хотите нам помочь?

– А с какой стати я должен вам помогать?

– В случае успеха я готова вам заплатить. Не просто деньги, а очень большие деньги. Столько у вас еще не было...

Ледников вздохнул:

– Видите ли, Лера, меня не интересуют очень большие деньги. Потому что это обуза, которую я не хочу взваливать на себя. Я обойдусь деньгами, которые позволяют мне жить так, как я хочу, не тратя на них свои умственные и душевные силы. Вам лучше всего обратиться в испанскую полицию. Там люди решительные и умеющие действовать.

Лера вздохнула:

– Я понимаю... Скажите, а я не могла бы попросить вас о, так сказать, разовой помощи?

– Кого-то замочить? – засмеялся Ледников.

– Нет.

– Значит, разузнать, что это за серьезные люди пожаловали к вам за своей долей наследства Муромского?

– Я о другом. Вы сами сказали, что за сеньорой Морьентес стоит государство. Я подумала, а может, и наше любезное отечество заинтересуется ситуацией с деньгами Муромского? Все-таки мы с Рафой – граждане России. И могли бы перевести отсуженные деньги на родину. Тем более, значительная часть денег Муромского, как вы сами знаете, когда-то принадлежали российскому бюджету.

Ледников невольно восхитился столь изящному ходу мысли. Девушка способна на многое и ничего не боится. Кто знает, хорошо это или плохо, но, судя по всему, сражаться за деньги она будет до конца, до последнего вздоха. К тому же, она-то уверена, что в деньгах Муромского значительная часть – деньги ее несчастного отца, смерть которого была слишком подозрительной и слишком выгодной Муромскому...

– Какое я имею отношение к российскому государству? – пожал он плечами. – Я давно уже не госслужащий.

– Я подумала... Сейчас в Испании находятся представители нашей прокуратуры в связи с процессом над мафией. Может быть, вы скажете им о ситуации в связи с нашим делом? Почему бы им не заявить, что они следят за ним и готовы помогать своим гражданам?

– То есть вам с Рафой?

– Да, нам, гражданам России. Я не могу сама встретиться с ними, а вам ничего не мешает это сделать. Вы сами работали в прокуратуре, ваш отец...

– Стоп, девушка, – резко перебил ее Ледников. – Забудьте про моего отца. И даже не вспоминайте о его существовании. Никогда. Вы как-то очень легко распоряжаетесь людьми, вам не кажется?

– Извините. Я не хотела. Но поймите, я в отчаянии! Я боюсь. За себя, за Рафу... Боюсь, понимаете! До отчаяния, до тошноты!

– Откажитесь от денег Муромского, от суда. И спите спокойно.

– Я уже не могу!

– Не хочется напоминать вам о жадности, которая губит...

– Вы не понимаете! Дело уже не только во мне. Мне не дадут!

– Что вам не дадут?

– Они, эти люди, не дадут мне выйти из процесса, неужели вы не понимаете?!.. Меня или убьют, или заставят продолжать силой, а убьют потом. Как вы не понимаете? Валентин Константинович, вы же все понимаете!

Она стояла у окна, поднесла руку к горлу, словно пытаясь сдержать рыдания.

– Извините, мне не надо было приходиться... Мне пора, а то они могут обнаружить мое отсутствие и тогда...

И она исчезла. Так же неожиданно, как появилась.

## Глава 5

### Andar a monte

#### Идти горой (пойти по плохой дорожке)

Проснувшись с гудящей от бессонной ночи головой, Ледников тут же отправился на пляж, рассчитывая, что морская вода подействует целительно, и плавал долго, до полного изнеможения. Чашка кофе в баре окончательно привела его в нормальное состояние. Отец с матерью отправились рано поутру на какую-то экскурсию, когда они вернутся, было неясно. Можно предаться блаженному чувству одиночества...

Обедать он решил у себя – в холодильнике были какие-то мороженые штуки, до которых у него еще не доходили руки. И вот теперь можно было ознакомиться с запасами, оставленными еще месяц назад Тимофеем. Зная его вкусы, он мог рассчитывать если уж не на омаров, то на креветки или кальмаров. А на худой конец пиццу с морепродуктами.

Ледников брел под уже всерьез раскалившимся солнцем по пустынной дороге в шлепанцах и драных джинсах, майку нес в руке. Вдруг рядом с ним совершенно по-киношному затормозил белый «мерседес». Дверца распахнулась, из машины высунулся человек в тончайшем белом костюме и белой же шляпе.

– Валентин Константинович! – радостно прокричал он. – Какими судьбами в Испании?.. Какая встреча! Садитесь, подвезу. – У человека был странно маленький ротик, похожий на куриную гузку. И он носил чудную фамилию Келлер.

– Да мне тут недалеко, как-нибудь дотопаю, – стал отнекиваться Ледников.

Ясно было, однако, что разговор с Келлером неизбежен. Как ясно было, что и появился он тут вовсе не случайно. Ледников даже глянул по сторонам – не сопровождает ли Келлера парочка мордovorотов для придания его предложению большей убедительности. Но вроде бы никого поблизости не было.

– Господи, Валентин Константинович, что же мы с вами как неродные? – засмеялся Келлер. – Встретились в каком-то испанском захолустье двое русских и вместо того, чтобы от радости при виде своего человечка пропустить по графинчику доброго испанского вина, начинают препираться!..

– Ну, отчего же не пропустить? Пропустить можно, – не стал спорить Ледников. – Места знаете? А то я тут еще не осмотрелся.

– Знаем, знаем мы тут хорошие места! Уж чего-чего, а это...

– А как там с дресс-кодом?

Ледников с сомнением оглядел свой наряд.

– Нормально там с дресс-кодом, – замахал руками Келлер. – Там такой дресс-код, что скорее меня в моей шляпе не пустят, а вы просто идеально подходите.

– Ну, раз так...

Ледников уселся рядом с Келлером в прохладный салон. Когда тронулись, спросил:

– Так что за местечко-то? Чем кормят?

– Офигительной паэльей. Офигительной! Хозяин готовит ее сам на открытом огне в огромном медном тазу на глазах посетителей. Так что все без обмана – натурпродукт!

Келлер взглянул на свой золотой «Патек» и сообщил:

– Как раз через полчаса начнется раздача готового блюда, так что мы успеваем вовремя.

– Там что все по расписанию?

– Строго. Строго по расписанию. Каждый день. Все как в аптеке. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Аркадий Келлер был адвокатом, но не обычным. Он был адвокатом потомственным и, можно сказать, родовитым. Ледников был не просто знаком с ним. Они вместе учились на юрфаке, правда, не дружили да и компании водили разные. А потом Ледников столкнулся с Келлером во время расследования одного жутковатого дела, которое он, а в то время еще молодой специалист, вел при оперативной поддержке тоже еще молодого опера Сереги Прядко, который теперь вырос до подполковника милиции и, судя по всему, будет расти еще выше.

А тогда несколько дней стояло настоящее бабье лето, и было к тому же воскресенье. Непривычно малолюдная и маломашинная по этому случаю Москва купалась в осеннем золоте и отчаянно ясной синеве неба. Хотелось жить, оказаться где-нибудь в лесу с красивой женщиной... А Ледников с Прядко ехал «на труп», потому как ему повезло в такой день дежурить по прокуратуре.

Это была совсем еще молодая девушка. Как следовало из найденных документов, студентка. Звали ее Ануш Богдасарян. Она лежала на кровати в спальне, одежда ее была разодрана в клочья, руки связаны проводом, отрезанным от торшера. На теле ее медэксперт насчитал около двадцати колотых и резаных ран. При этом смертельными, по его мнению, могли быть только две – в области сердца и правого легкого. Характер остальных – длинные, но неглубокие разрезы на спине, животе, горле – свидетельствовал, что девушку долго истязали и пытали.

О том, что у нее хотели выведать, догадаться было несложно – в спальне под широким подоконником был вмурован небольшой сейф с кодовым замком. Дверца его была распахнута, а внутри ничего не было. Судя по следам на замке, сначала его пытались открыть то ли долотом, то ли ломиком, потом все-таки узнали код... В гостиной на столе красовались полупустые бутылки с настоящим армянским коньяком, остатки дорогой еды.

– Ну, командир, рисуй картину, и будем действовать.

Серега Прядко после нескольких удачных совместных дел свято поверил в способность Ледникова сразу, с ходу нарисовать возможную картину преступления и выдвинуть рабочую версию. Такими способностями Ледников действительно обладал, но не злоупотреблял и «рисовал картины», только поднабрав фактов и улик. Но в данном случае можно было рискнуть, настолько очевидной представлялась история... – Так что мы имеем, командир? – нетерпеливо переспросил Серега. Он и сам уже явно догадался если не обо всем, то о многом – нюх у него был хоть куда. Фантазии, правда, маловато. Хотя оперу избыток фантазии и чувствительности, в общем, и ни к чему.

– А имеем мы вот что... – приступил к делу Ледников. – Девушка и двое ее знакомых мирно садятся за стол и начинают выпивать и закусывать. Потом они, эти знакомые, решают заглянуть в содержимое ее сейфа, о котором им то ли уже было известно, то ли хозяйка поведала за столом. Требуют назвать код, она отказывается, тогда они начинают ее пытаться. Пытают долго... В конце-концов, она не выдерживает и называет им код. Они выгребают содержимое сейфа, добивают ее и исчезают... Примерно так. Так что надо отрабатывать знакомых, друзей, подруг, искать того, с кем она собиралась приятно провести время за таким богатым столом.

– Да, поляна накрыта хоть куда!

Серега щелкнул ногтем по бутылке из-под коллекционного коньяка.

– Но есть один вопрос... – отвлек его внимание от гастрономического изобилия Ледников.

– Какой?

– Почему она так долго терпела? Почему сразу не назвала код? Судя по всему, ее пытали довольно долго, а она молчала... Почему? Жадная такая была? Бесстрашная? Нечувствительная к боли? Не похоже. Даже внешне. – На большой фотографии, висевшей в гостинице, сразу бросалось в глаза добродушное, беспечное лицо Ануш...

– Может быть, ее напоили до бесчувствия?

– Может. Или чего-то подсыпали...

– Ну, это экспертиза быстро установит.

В гостиную вошел эксперт-криминалист Петя Струминский, возившийся со своими снадобьями уже не один час в спальне. Петя был фанат своего дела. Когда работал он, можно было быть уверенным, что ничего не будет упущено, все следы и отпечатки обнаружены. Если другие эксперты, например, брали с собой на место происшествия набор из трех препаратов и затрачивали на работу по обработке следов максимум час, то Петя не ленился таскать с собой по двадцать препаратов и мог провозиться часов шесть, а то и восемь. Ему было страшно интересно работать, он постоянно выискивал новые методики обработки следов, мог даже купить какой-то новый препарат за свои деньги. Как было с люминесцентными порошками. След, обработанный таким порошком, при свете монохромного или лазерного осветителя становился гораздо контрастней и давал основания сделать гораздо более надежные заключения. Последний раз, когда Ледников работал с Петей, тот с восторгом демонстрировал ему эффект цианакрилатов – особых летучих клеев. Помещаешь в закрытую камеру предмет, на котором вроде бы нет следов, например тот же протертый пистолет, и флакон с клеем. Летучий клей испаряется, предмет покрывается белым налетом, и следы рук становятся рельефными... Петя вообще убеждал Ледникова, что следы остаются всегда, если эксперты их не выявили, значит, неправильно выбрали техническое средство для обнаружения. И если бы все эксперты работали, как Петя...

– Ну? – нетерпеливо спросил Сережа. – Пальчики есть?

– Выше крыши, – успокоил его Петя. – Буду идентифицировать.

– На теле тоже? – поинтересовался Ледников.

– Ну а куда они денутся?

– Слушай, а ты можешь определить, какие оставили до смерти, а какие после? Или спрашивать об этом уже наглость?

– Да нет, почему, – невозмутимо ответил Петя. – На коже живого человека след руки быстро расплывается, как бы расплавляется. А вот на трупе остается, как на какой-нибудь кожаной куртке. Поэтому если тела касались через некоторое время после смерти, то следы будут более четкими...

И тут зазвонил телефон. Ледников снял трубку, негромко сказал:

– Да. Кто это?

– Слушай, это ты кто такой! – яростный голос с восточным акцентом, казалось, разносится по всей комнате. – Ануш мне позови! Немедленно!

– Так кто вы все-таки? – терпеливо спросил Ледников.

– Я – отец, понял! Отец Ануш! А ты кто и что там делаешь? Зови Ануш, тебе говорят!

– Я следователь прокуратуры Ледников...

– Какой следователь! Зачем прокуратуры!.. Что у вас там, в Москве, творится?

– Так вы не из Москвы звоните?

– Из Сочи я звоню. Где Ануш?

– Вам придется срочно вылететь в Москву... Ваша дочь убита.

В трубке раздались то ли рыдания, то ли придушенный вопль.

Через несколько дней Ледников и Прядко подводили итоги расследования. Прядко отработал всех возможных знакомых Ануш, друзей и сокурсников, Ледников несколько раз встретился с ее отцом, могучим мужиком, которого горе буквально пригнуло к земле. К тому же стали известны результаты экспертизы, которые подготовил дотошный Петя Струминский. Выяснилось к этому времени, что в крови Ануш оказалась значительная доза сильнодействующего психотропного вещества.

И вот какая картина нарисовалась.

Ануш не была красавицей. Полная, коренастая, с крупным мужским носом, она не привлекала внимания молодых людей. Но при этом была добродушной, искренней и беспечной. Мать ее умерла несколько лет назад, отец, успешный бизнесмен, нашел молодую жену и уехал

с ней в Сочи, оставив дочери богатую квартиру и машину. Ануш жила одна в Москве, училась на социолога, у нее было немало подруг, которые знали, что у нее всегда можно занять денег, а потом забыть отдать. А вот мужчины у нее не было. И хотя она делала вид, что ее это нисколько не заботит, на самом деле у нее была страстная и тайная мечта – встретить, наконец, кого-то для серьезных отношений... Видимо, встретила. Потому что на записи видеокамеры, установленной в подъезде дома, видно, что она за несколько часов до смерти заходит в подъезд не одна. Рядом с ней какой-то мужчина. Даже точное время зафиксировано. Но ничего больше запись дать не могла...

– Потому что ставит камеры черт знает кто! – ругался Прядко. – Ну, пригласите специалистов! Нет, у них же конкурс, блин, тендер! Или блатные выигрывают, или те, кто по дешевке предлагает сделать!.. И что мы имеем? Камера стоит так, что в кадре – слепая зона, лиц практически не видно, одни спины. А качество? Вообще ни хрена не видать! Да еще для экономии пускают со скоростью не двадцать четыре кадра, как положено, а четыре или вообще два!.. И получается – вот нога появилась, а на следующем уже только спина маячит...

В общем, опознать человека рядом с Ануш оказалось невозможно, сколько эксперты ни бились над записью.

Судя по рассказам подруг, в последнее время у Ануш проявился знакомый, которого она никому не показывала. Причем сначала подруги даже думали, что она просто все выдумала. Но оказалось – нет. Однако, кто этот ее знакомый, ни одна из девушек не знала. Ничего не знал о нем и отец Ануш, хотя, как он сам говорил, чувствовал, что с дочерью что-то происходит.

Вся надежда была на Петю Струминского. И Петя не подвел. Отпечатки, которые он обрабатывал своими алхимическими средствами, рассказали о многом. Гостей у Ануш действительно было двое. Отпечатки пальцев обоих остались на сейфе, на теле Ануш и на ножах, стоявших в подставке на кухне. На ножах, хотя их и мыли, остались кровь и кусочки кожи Ануш. Более того, отпечатки одного из гостей удалось идентифицировать – они нашлись в картотеке. И принадлежали некоему Павлу Грибанову, проходившему пару лет назад за грабеж и осужденному на небольшой срок ввиду его болезненного состояния – в детстве он переболел гнойным менингитом, отразившемся на его центральной нервной системе. Была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которая заключила, что признать невменяемым его нельзя, однако в состоянии нервного напряжения и особенно под влиянием алкоголя он перестает себя контролировать.

– Ну что – наш клиент! – радостно заключил Сережа Прядко.

Он очень уважал такие удачи, потому что верил: настоящим сыщикам, таким, как они с Ледниковым, всегда везет.

– Я поехал брать?

– Давай, – улыбнулся его охотничьему нетерпению Ледников. – Только не забывай, что у него в голове тараканы.

– Не бойся, у меня не забалуешь.

– И начинай сразу с ним работать. Там был второй. И сдастся мне, этот второй был главным. Вряд ли девушка сама привела домой такого типа, как Грибанов... Будет упираться, постарайся вывести его из себя. Раз уж он псих, надо это использовать.

– Сделаем, командир, – лихо пообещал Сережа.

На него можно было положиться, колоть подозреваемых он умел. Да и клиент попался не самый трудный. Сережа расколол его на раз.

Грибанов рассказал, что все дело было организовано его школьным еще приятелем Виктором Тутаевым. Тот встретил его месяц назад и сказал, что можно будет повернуть одно серьезное дело, такое, что они оба упакуются по полной программе. Да и дело простое. Несколько дней назад Тутаев позвонил и сказал, чтобы Грибанов завтра ждал его звонка. Позвонил, как договаривались, назвал адрес. Грибанов приехал, девушка уже была в отключке.

Они выпили, закусили и начали собирать ценные вещи в сумку. Потом взялись за сейф. Он никак не поддавался, а поднимать большой шум они боялись. Решили разбудить телку, но она не просыпалась – видимо, Тутаев перебрал с лекарством. Когда они все-таки ее разбудили, – а Грибанов уже стремительно зверел под влиянием выпитого, – она не могла никак вспомнить комбинацию цифр. Называла то одну, то другую, но сейф никак не открывался. Грибанов хлестал Ануш по лицу, рвал волосы, но ничего не выходило. Тогда Тутаев пошел на кухню, принес ножи и включил музыку погромче. Первым полоснул Грибанов, раз-другой, забрызгался кровью, решил выпить еще и пошел в гостиную. Когда вернулся в спальню, увидел Тутаева с окровавленным ножом в руке, склонившимся над Ануш, и какой-то странной улыбкой на лице...

Через некоторое время Ануш назвала правильный код. В сейфе оказались несколько десятков тысяч долларов и евро, бриллиантовые кольца и серьги, золотые цепочки и браслеты. Когда они выгребали все и запихивали в сумку, Ануш вдруг страшно и громко застонала. Тутаев выругался и полоснул ножом ей по шее...

Из дома выходили по одному. Тутаев дал Грибанову немного денег, сказал, что надо залечь на дно, не светиться, а он – реализует драгоценности. Тогда все и поделят.

Тутаева взяли через пару дней. С ним пришлось поработать на совесть. Поначалу он вообще от всего отпирался, но потом стал выдавливать из себя по крохам признания. Да, с Ануш он был знаком – случайно встретились в турагентстве, она выбирала себе круиз подороже, там и разговорились. Стали встречаться. Он был у нее два раза дома, тогда и оставил отпечатки пальцев. Потом он поведал, что рассказал о богатой квартире старому знакомцу Грибанову и тот предложил взять сейф, которым хвасталась легкомысленная девушка. Договорились, что Тутаев подсыплет лекарство, а когда Ануш заснет, подъедет Грибанов и вскрыет сейф. Вот и все, чего он хотел. О пытках не мог и помыслить, это все псих Грибанов, а он все время сидел в соседней комнате, заткнув уши, чтобы не слышать стонов Ануш...

Одновременно вдруг изменил свои показания Грибанов – он взял всю вину на себя. Тутаев сидел в соседней комнате и к Ануш не прикасался...

И как раз в этот момент у Тутаева появился новый адвокат. И звали его Аркадий Келлер.

Встреча бывших однокашников, а ныне следователя и адвоката была дружественной, но в меру, хотя тогда они еще были на ты и обходились без отчеств. Келлер выгораживал, как мог, «интеллигентного юношу», который по легкомыслию связался с чудовищем-уголовником, потому что оказался должен крупную сумму людям, которым долги надо отдавать, если хочешь прожить достаточно долго. Ледников слушал, а сам думал о том, что отпечатки пальцев неопровержимо указывают: Тутаев держал в руках те самые ножи, орудия убийства, и касался тела Ануш как до ее смерти, так и после... И было еще одно обстоятельство, о котором ему поведал неугомонный Петя Струминский.

– Слушай, старик, – прервал поток красноречия, который обрушил на него Келлер, утомившийся слушать Ледников, – тут вот какое обстоятельство обнаружилось. Наши эксперты установили, что у твоего «интеллигентного юноши» узор на большом пальце левой руки сложнее, чем на правой...

Келлер замер от неожиданности.

– А при чем здесь это?

– А при том, что должно быть наоборот. Во всяком случае, у нормального человека. А такая особенность преимущественно распространена среди маньяков... Так что у твоего подопечного, вполне возможно, существуют маниакальные отклонения. Потому он девушку и стал пытаться сам. И если сейчас ты его отмажешь, он уверится в своей безнаказанности и повторит это увлекательное упражнение. Обязательно.

Келлер пожал плечами:

– Ну, это все предположения, домыслы...

– Которые мы обязаны учитывать.

Потом была еще одна встреча, во время которой Келлер мялся, вздыхал и вообще был на себя не похож. А через пару дней оказалось, что у Тутаева снова сменился адвокат – от Келлера то ли отказались, то ли он сам ушел. Новый защитник, немолодой толстяк в бабочке с зачесанными на лоб вихрастыми бровями, при первой же встрече открытым текстом заявил Ледникову, что если он не станет настаивать на участии Тутаева в пытках и убийстве, то его отблагодарят весьма приличной суммой... Потому как у безутешной матери Тутаева, готовой ради сына на все, оказался брат, занимающийся гостиничным бизнесом, и еще масса родственников, сразу горой ставших за своего.

Ледников опереточного толстяка послал подальше, а про себя подумал, что Келлер все-таки человек с приличиями и профессиональной честью – его, видимо, тоже толкали на подкуп следователя, но он предпочел уйти. Так что Келлеру надо отдать должное, хотя о нем уже тогда ходили самые разные слухи.

## Глава 6

### Casarear y no poner huevos

#### Кудахтать и не нестись (наобещать с три короба)

Ресторанчик действительно был незатейливый – прямо на берегу в нескольких метрах от моря десятка два столиков под тентами и пальмами. Чуть в стороне у огромного таза, под которым тлели угли, возился хозяин – коренастый пожилой мужик в шортах и фартуке на голое тело, ровно, как хороший газон, заросшее седыми волосами от макушки до самых пяток.

Их усадили за крайний столик у самой воды, принесли мокрый графин сангрии и ведро льда. Келлера, судя по всему, тут знали.

– Вы тут постоянный посетитель? – поинтересовался Ледников.

– А то! – засмеялся Келлер. – Я ведь теперь в Испании бываю чаще, чем в Москве.

– Жара не мучает?

– Привыкаю понемногу.

Распробовав сангрию, которая оказалась совсем даже неплоха, Ледников улыбнулся:

– Ну, Аркадий Генрихович, рекогносцировка окончена, приличия соблюдены, перейдем к делам?

– До паэлья? А может, после? Ее уже скоро будут подавать...

– После нее, боюсь, меня в сон станет клонить. Ночь была какая-то муторная, не выспался... – с намеком сказал Ледников.

Он был уверен, что Келлер все знает о ночном визите Леры, потому, собственно, и прибыл.

– Знаю, – не стал таиться Келлер.

– Откуда? – решил повалить ваньку Ледников. Келлер решительно отодвинул бокал и наклонился вперед. Видимо, решил брать быка за рога.

– Да все вы прекрасно понимаете, Валентин Константинович. Спать вам не дала некая госпожа Согдеева. И вовсе не в том смысле, в каком женщина может не дать выспаться мужчине. Она пожаловала к вам среди ночи для серьезного разговора.

– Я так понимаю, вы за ней следили?

– Разумеется. Не я лично, конечно.

– Разговор не писали?

– Нет. Говорю вам честно. Не успели подготовиться и потому не установили у вас жучки, что, в общем-то, ничего не стоит сделать. Просто не ожидали, что она пойдет к вам. Я и не знал, что вы знакомы.

– Ну, что значит знакомы... Так, пересекались.

– Нет, это моя ошибка. Я должен был знать, что вы были в Лондоне, когда разыгралась вся эта мистерия с похищением Рафаэля Муромского. И не просто были, а принимали в ней весьма серьезное участие.

– Мало ли в каких делах я принимал участие. Впрочем, как и вы...

– В том-то и дело. Должен был подготовиться лучше, – жестко сказал Келлер. – Меня извиняет только то, что я подключился к этому делу недавно...

От костра донеслись одобрительные возгласы, зашлепали аплодисменты – заросший седым волосом хозяин определил, что паэлья готова, и приступил к раздаче. Через минуту официант поставил перед ними два огромных блюда с оранжевым рисом, в недрах которого чего только не таилось – мясо, овощи, курятина, креветки, мидии...

Какое-то время ели молча, размышляя о том, как строить разговор дальше.

– Ну что ж, местечко занятное, – благодушно сказал Ледников, справившись с гигантской порцией. – Спасибо, что показали, надо будет запомнить.

– Не за что. Сочтемся.

Келлер вытер свой крохотный замазлившийся ротик и перешел к делам:

– Не знаю, что наговорила вам эта дама, но, не скрою, мне не хотелось бы иметь вас, Валентин Константинович, в числе противников...

– Господи, да на отдыхе я тут, на отдыхе! И не собираюсь ни в чем участвовать. Ни в делах, ни в процессах, ни в расследованиях.

– Верю. Верю. Но вы же знаете, как это бывает... Человек не хочет, не предполагает, ни сном, ни духом – и вдруг, оказывается, втянут в историю, о существовании которой еще день назад и не помышлял...

– Вы хотите сказать, что я уже втянут?

– Судя по всему.

– Без меня меня женили?

– Увы. Давайте так, мы с вами оба знаем тактику и стратегию следственной работы, поэтому не будем темнить там, где темнить уже поздно. Я не жду от вас полной откровенности, но хочу, чтобы вы ясно представляли себе диспозицию и расстановку фигур, прежде чем решить, на чьей стороне играть...

Ледников согласно кивнул. А что он еще мог сделать?

– Ну и отлично. Ситуация с наследством Муромского-старшего вам известна. Наследники, мать и сын, ненавидят друг друга, но не они ведут игру. За матерью свора испанских крючкотворов во главе с красавцем Гонсало Навасом. Они вдолбили ей в голову, что не надо идти ни на какие уступки и тогда она получит все. Ну, разве что кинет потом какие-нибудь гроши на оплату пребывания Рафаэля в сумасшедшем доме. Это синий угол ринга. В красном углу – свихнувшийся Рафаэль и мадам Согдеева, возомнившая, что ей в Лондоне являлся святой дух и отныне ее земная миссия – стоять на страже интересов Рафаэля, которого она тогда в Лондоне, как вы помните, лично до сумасшествия и довела...

Ледников неторопливо хлебнул сангрии. После острейшей паэлья она была особенно уместна и хороша.

– Вы в это верите? – спросил он. – В миссию? В служение несчастному и обиженному?

– А вы верите? – хмыкнул Келлер. – Зная ее прошлое? Представляя, что произошло с ее отцом? Зная, как с ней поступил Муромский-старший? Зная, как вел себя с ней Рафаэль, пока не свихнулся? – Честно говоря, совершенно себе не представляю – верить или нет? – признался Ледников. – Женская психика – вещь непостижимая. Мне приходилось сталкиваться с такими историями...

– Мне тоже. Но сейчас у меня нет времени разгадывать сей кроссворд, – отрубил Келлер.

– А состояние Рафаэля? Он что-то понимает в происходящем? Его мнение что-то значит?

– Состояние у него сумеречное с некими спорадическими проблесками, в которых нет ни расписания, ни системы, – четко сформулировал Келлер. – Был момент, когда показалось, что психика его пошла на поправку. Как раз тогда он и наделил Согдееву правом представлять его интересы. Выправил официальную доверенность. Но, видимо, это напряжение оказалось ему не по силам и последовал срыв.

– Вы его видели? Рафаэля?

– Имел удовольствие. Все время боялся, что он вцепится мне зубами в глотку.

– Когда я видел его в Лондоне, он просто выл от страха.

– Он и сейчас воеет. Регулярно. А потом на него накатывает дикая агрессия.

– А ее, Согдееву, он действительно слушает?

– А черт его знает! Во всяком случае, когда она с ним, он не воеет.

– Ясно. Но вы-то как в этой истории оказались, Аркадий Генрихович? С какого бока припека? Ваш интерес тут в чем?

– Я адвокат и просто представляю интересы своего клиента. Моего личного интереса тут нет.

– А кто ваш клиент?

Келлер улыбнулся укоризненно:

– Валентин Константинович, вы же знаете, что, если бы я мог, я бы давно назвал вам его... Но не могу. Такова его воля.

– Понятно. А в чем интерес вашего клиента?

– А как вам описала его ночью Согдеева?

– Вы уверены, что мы говорили именно об этом?

– Ну, не сексуальные предпочтения друг друга вы обсуждали!

Ледников легко рассмеялся:

– Действительно, о чем можно говорить с красивой женщиной летней испанской ночью наедине?... Только о делах. – Ледников видел, что пора сделать шаг навстречу Келлеру, продемонстрировать желание обсуждать дела. Нет никакого смысла обострять ситуацию, если хочешь в ней разобраться.

– Если коротко, она сообщила мне, что некий адвокат, заявляющий, что он представляет интересы некоего клиента, вложившего несколько лет назад деньги в предприятие Муромского-старшего, изъявляет готовность помочь ей в борьбе с испанской женой Муромского за наследство. С тем, чтобы после победы в суде она передала этому человеку часть наследства, которая принадлежит ему по праву. Фу!.. Ну, вот примерно так.

– В принципе, это так и есть. Но возникает вопрос: почему она пришла с этим к вам?

– Она сказала – только потому, что здесь ей больше идти было не к кому. А тут вдруг я, на свою беду, зашел в бар, где она страдала от одиночества, выпить сангрии... И она решила, что это знамение Божье. Она же теперь иными категориями не мыслит.

– Ну, допустим... И что она от вас хотела?

– Совета.

– И все?

Ледников решил, что пора господина Келлера немного и осадить.

– Аркадий Генрихович, мы с вами давние знакомые, но не перегибайте палку. Я не на допросе, а вы не следователь. Или мы ведем дружескую беседу, или...

– Да-да, извините, увлекся!

Келлер повертел в руках бокал, заказал пробежавшему мимо официанту кофе. Потом сообщил:

– Валентин Константинович, у меня к вам предложение о сотрудничестве.

– Ого! А как же мой отдых?

– Одно другому не помешает. Согдеева персонаж не простой. Она способна на сложные партии. Мне бы не хотелось, чтобы она использовала в своих комбинациях вас.

– А как она может меня использовать? Для чего?

– Для давления на нас. Она может козырять вами, вашими возможностями для торга с нами, который она ведет ежедневно. Мадам просто не понимает, что даже часть наследства Муромского – это деньги, которые ей не по силам удержать. Они ее раздавят и погубят. «Это, конечно, верно, подумал Ледников, вот только и ты со своим клиентом вовсе не благодетели рода человеческого». Подумал, но, естественно, сказал совершенно иное:

– И какого же сотрудничества вы ждете от меня?

– Ничего особенного. Просто когда мадам будет обращаться к вам за советом, советуйте ей сотрудничать с нами и соглашаться на наши предложения.

– А они гуманные?

– Вполне. Ее и Рафаэля никто не собирается обижать. Просто ей надо правильно оценивать свои силы. Можно ведь и надорваться.

Потом Келлер подбрёл его до дома и, когда Ледников уже выбрался из машины, сказал вслед:

– Валентин Константинович, вы теперь начнете считать варианты и пытаться выяснить, кто же мой клиент... Хочу вас предупредить, что сделать это тяжело, даже с вашими способностями и возможностями. Там очень давняя и мало кому известная история... В общем не тратьте время зря. Это я так – по-дружески.

Итак, милый друг, тебя хотели развести как фраерка. Даже не спросили ни о чем, не поинтересовались – согласен ты или нет. Просто решили использовать. Включили в игру, где действует пресловутое правило «вход – рубль, выход – два».

Ледников зло ударил кулаком в хлипкую стену коттеджа. Как писал классик, его терзал самый страшный гнев – гнев бессилия. К счастью, другой классик предупредил, что нигде так не полезно промедление, как в гневе. Так что давай, милый, помедлим.

Он прошел на кухню, включил кофеварку. И пока она шумела, по капле заполняя благоухающим напитком стеклянный сосуд, ясно понял, что наглец Келлер был прав: самое главное – узнать, кто его клиент, а вернее, хозяин. Одна история, если это какой-то бывший партнер Муромского по бизнесу, пусть и нечистоплотный, как они все. И совсем другая история – если это нормальный бандит, какой-нибудь вор в законе, которых сейчас в Испании развелось в избытке. У этих свои законы. Если ты даже случайно оказался в сфере их интересов, то играть с тобой будут по их правилам, где ты фраер, в отношении которого все дозволено...

Вот только насчет фраера они заблуждаются.

Ночью он проснулся от какого-то прикосновения. Чьи-то прохладные, легкие, чуть влажные пальцы коснулись его лба, потом щеки, потом груди...

Странно, но он ничуть не испугался, будто знал, кто сидит на краю его постели. Он открыл глаза, и они какое-то время в темноте смотрели друг на друга. Смотрели и молчали.

Потом Лера встала, поднесла руки к плечам, и легкое платье бесшумно упало к ее ногам. Ее стройное тело в ночном свете отливало перламутром. На ней не было ничего, только что-то кружевное на бедрах.

Она так же молча легла рядом и с содроганием прильнула к нему. Потом чуть слышно застонала, хотя он еще даже не пошевелился. И в этом стоне-зове было столько искренности и откровенного желания, что нельзя было на него не откликнуться...

## Глава 7

### Aquí el que no corre vuela

#### Здесь тот, кто не бежит – летит (простаков нет)

Отца Ледников нашел с книгой на балконе. Книга называлась «Love and the Spanish», то есть «Любовь и испанцы», автором ее была английская писательница с русским именем Нина.

– Интересно? – полюбопытствовал Ледников, кивнув на книгу.

– Любопытно, а где-то и поучительно, – поднял палец отец. – Ну вот, например... «Каким бы развратником испанец или испанка ни были, в его или ее жизни обычно наступает время, когда глубоко укоренившееся всенародное уважение к тому, что испанцы именуют „чистотой“, любовью к плотской чистоте, одерживает победу... Это страна веселых грешников, но в не меньшей степени – кающихся донжуанов и магдалин».

Ледникову вдруг показалось, что отец чуть заметно подмигнул ему. Можно подумать, он знает, что случилось ночью. Но откуда? У него, конечно, дьявольская интуиция, но не до такой же степени!

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего. Просто любопытное наблюдение. Тебе так не кажется?

– Мне как-то не до того.

– Понятно... Кстати, твоя лондонская знакомая больше не объявлялась?

Ледников уставился на отца. Неужели знает?.. Да нет, не может быть! Лера скрылась так же неожиданно, как появилась. Вдруг выскользнула из постели, подхватила валявшееся на полу платье, поцеловала его в лоб и чуть слышно произнесла: «Спасибо». И исчезла. Не гнаться же было за ней без штанов!.. Осталось только ворочаться с боку на бок, тупо смотреть в потолок и думать, что это было? Просто порыв молодой женщины, уже давно не бывшей с мужчиной? Или хорошо рассчитанный поступок, за который еще будет предъявлен счет?.. – Так она больше не объявлялась? – настойчиво спросил отец. – Никаких новых предложений от нее не поступало?

– Нет, – с чистой совестью ответил Ледников. И это была чистая правда. Никаких предложений и просьб. Ничего не было, кроме страсти, которую вряд ли можно было изобразить... Но пора было менять тему. И Ледников сказал:

– Я тут встретил еще одного знакомца. Правда, на сей раз московского.

– Не слишком ли много случайных встреч?

– Пока еще не решил. Кстати, хотел расспросить тебя о нем.

– Он что – и мой знакомый?

– А вот сейчас мы это и узнаем. Я встретил адвоката Келлера.

Отец закрыл и отложил книгу про огненные любовные испанские страсти.

– Ну, судя по тому, какое здесь сейчас пекло, ты вряд ли встретил Келлера-старшего. Он, помнится, всегда очень тяжело переносил жару. Значит, речь идет о Келлере-младшем, или, как он любил себя когда-то называть, Келлер-джуниор...

Ледников кивнул.

– И что ты можешь о нем сказать?

– Смотря, зачем тебе информация?

– Пока не знаю.

– Темнишь, сынок, – укоризненно покачал головой отец. – Ну да ладно... Генрих Семенович Келлер в советские времена был широко известный в узких кругах адвокат. Человек он был советский, хорошо знал и никогда не нарушал правила игры для адвокатов той эпохи. Его это никак не задевало и не возмущало. Он просто знал, что адвокат в Советском Союзе и адво-

кат на Западе – что называется, две большие разницы. И всю жизнь вел себя соответствующим образом. Поэтому был вхож в высокие кабинеты и официально признан как один из лидеров адвокатского сословия. А вот сынишка его, этот самый джуниор, оказался вылеплен совсем из другого теста. Он вступил на добротное подготовленное отцом семейное адвокатское поприще в годы, когда советское государство со всеми его писаными и неписаными законами рухнуло в историческую пропасть. И Аркадий сразу стал играть по иным правилам...

Отцу явно хотелось немного повспоминать дела давно минувших дней. Случалось с ним такое весьма нечасто, он как огня боялся невыносимой старческой болтливости, но тут, видимо, сыграла роль курортная расслабленность.

Аркадий вступил на поприще защитника прав человека и закона, когда влияние адвокатов на исход судебных дел стало несопоставимо с советскими временами. Я помню, как «старорежимные» прокуроры жаловались тогда, чуть не плакали: мол, адвокаты теперь главные люди в суде, все решается через них, судьи их боятся, журналисты на руках носят...

И это при том, что сами прокурорские с прессой не работали. Все держали в тайне.

– Ну да, школа-то была совсем другая – ориентировались не на общественное мнение, а на райком партии. В общем, прокурорские посчитали себя чуть ли не обиженными. Я каждый день слушал жалобы и стоны... Эти адвокаты создали, понимаешь, себе имидж таких человеколюбцев и правдуробов, святых борцов за истину. При этом адвокатскую лицензию может получить кто угодно. Законодательство не запрещает вести адвокатскую практику проштрафившимся ментам, опозорившимся прокурорам, нечистоплотным судьям и следователям... Они все и валят в адвокаты скопом, устанавливают в судах и на следствии свои правила.

Но правда в этих столах была.

Была, разумеется.

Они помолчали. Каждый из них мог рассказать кучу историй на сей счет. На глазах Ледникова адвокат, который не смог развалить дело об убийстве – доказательства были железные, свидетелей полно, – тянул деньги с родителей молоденького убийцы, уверяя их, что он «зарядит» всех, кого нужно. Мало того, он умудрился брать с них даже после приведения приговора в исполнение. Парня уже расстреляли, но известия об этом еще не поступило, а адвокат все добирал деньги с несчастных родителей, прекрасно зная, что его подопечного нет на свете... Другой адвокат родителям осужденного на смертную казнь послал из Москвы телеграмму: «Добился изменения приговора». Те на радостях перечислили ему огромную сумму. При этом формально он не соврал, потому как действительно добился мелочной поправки в приговоре. Но на исход дела это все равно не повлияло! Он знал адвокатов, которые убеждали заключенных продать квартиры. Мол, за такую огромную взятку их наверняка освободят, а он, адвокат, точно знает, кому надо дать. Заключенные давили на несчастных родственников: «Продайте квартиру!» Те продавали, не догадываясь, что деньги шли в карман адвокату. И никто уже не узнает, был ли с ним в доле следователь или судья? Или это были просто сказки, и он все присвоил себе.

Отец помассировал висок пальцем, словно у него разболелась голова. – Самое же опасное, что речь теперь не о том, чтобы спасти невинного, отыскать смягчающие обстоятельства... Нет, главной доблестью многих адвокатов стало умение развалить дело, чтобы спасти убийцу, выиграть процесс любой ценой... А правда сама по себе совершенно не интересна, она только мешает...

Ледников вспомнил командировку в Ставрополь, где в следственном изоляторе сидело существо по фамилии Гасанов... Этот был садист самый натуральный, настоящий изувер. В изоляторе, где, благодаря огромным деньгам, которые туда ему передавали, Гасанов, окруженный прихлебателями и шестерками, чувствовал себя хозяином и как-то в приступе злобы вырвал глаз сокамернику, который, как ему показалось, сделал что-то не так. Ему грозил новый солидный срок. А потом вдруг выяснилось: опера из изолятора установили, что глаз вырвал

кто-то другой, а Гасанов и вовсе отличается примерным поведением... Тем бы все и закончилось, но один из заключенных, доведенный до отчаяния, написал кровью записку о беспределе в камерах и просто выбросил ее из автозака, когда его везли на допрос. К счастью, записку кто-то подобрал и отнес в прокуратуру.

Ледникова и его старого приятеля капитана Прядко отправили в Ставрополь разобраться, потому что на местных надежды не было. Быстро выяснилось, что за чудом с глазом стоял адвокат Гасанова, который состоял при его брате-миллионере. Именно адвокат возил операм деньги, ящики с коньяком, дарил их женам драгоценности. Именно он добился, чтобы они состряпали новое дело. Оперов раскололи моментально, потому как все лежало на поверхности, а вот адвокат Гасановых остался в стороне. Правда, через какое-то время его нашли за городом в собственной машине с полиэтиленовым мешком на голове. Но это, что называется, была уже другая история.

Была у Ледникова с тем же капитаном Прядко и другая командировка – в Мурманск. Там арестовали уголовного авторитета по кличке Типун. Имелись данные, что он знает, где находится тайник с большим количеством оружия, включая автоматы и гранатометы. Прядко тогда сработал виртуозно, убедил Типуна показать, где тайник. Уже собрались ехать за оружием, был готов конвой, машина, но неожиданно появился адвокат, вернее, адвокатесса, которой кто-то стукнул про поездку. Она пишет Типуну записку: «Откажись от поездки. На тебя навесят лишние статьи». И Типун тут же дал задний ход. Схрон, между прочим, так и не нашли. Сколько народа потом положили из этого оружия? Прядко орал тогда на адвокатессу так, что Ледников боялся, как бы он ее не удавил. А она смотрела на него кукольными глазками – у вас своя работа, а у меня своя...

Отец вздохнул:

– Помню, ко мне зашел перед каким-то совещанием Келлер-старший и тоже стал жаловаться на адвокатов, так сказать, новой формации... Говорил, что подозреваемые сейчас боятся порой адвоката больше, чем следователя, прокурора, суда... Потому что адвокат напрямую связан с уголовным миром. Какой-нибудь бандит, может, и готов рассказать следствию, кто заправляет в банде, назвать главного отморозка. Но он молчит, потому что на допросе присутствует его адвокат, нанятый на деньги этого самого отморозка. Обо всех показаниях он тут же доложит тем, кто его нанял. Скажи лишнее – убьют в камере еще до суда.

– А чего это вздумал тебе, прокурорскому, жаловаться?

– Честно говоря, я не сразу понял, чего Келлер так разволновался. Собственно, о том, что многие адвокаты стали посредниками между чиновником и своими клиентами, уже давно было всем известно. Мало того, они не просто посредничают, нет. Одних склоняют к взяткам, а других на них раскручивают. При этом солидная часть сумм, разумеется, оседает в их собственных карманах.

Отец какое-то время помолчал, словно переживая заново давний разговор. Потом продолжил:

– А потом Келлер стал очень горячо говорить об отношениях адвокатов с криминальными авторитетами и ворами в законе. Он-то хорошо знал, что конечный этап этого пути один. Адвокат, связавшийся с такими персонажами, не понимал, что всегда будет для них лишь юридическим «халдеем», с которым, как с банальным официантом, все дозволено, который все стерпит. Каким бы великим ловкачом адвокат себя ни считал, у него не было шансов выиграть эту партию, потому что в любой момент на его юридическое хитроумие или ловкость могли ответить бейсбольной битой, ножом или выстрелом из пистолета. А старший Келлер знал старую истину: «Не связывайся с братками, не давай им советов, потому что при первом же подозрении – подвешат за язык. Или просто так убьют, как станешь не нужен. Потому что ты для них все равно – халдей. Был и останешься».

– Ну, тут он абсолютно прав.

– В какой-то момент я все-таки сообразил, почему старик Келлер пришел ко мне с этой исповедью. Видимо, Келлер-джуниор вступил на тот самый путь, с которого нельзя свернуть, а осторожные мудрости отца воспринимал как старорежимную глупость. В общем, Келлер-старший панически боялся, что сын неминуемо вляпается в какую-нибудь дурную историю. Боялся и в то же время надеялся, что вот уж тогда-то он придет к отцу за помощью... Обычные надежды стариков, еще пытающихся проявить себя в новые времена, но не представляющих, как это сделать, – грустно улыбнулся отец.

– Он что, сказал тогда, что боится за сына?

– Нет, впрямую не сказал. Я потом навел кое-какие справки. Келлер-джуниор принципиально брался только за самые громкие и скандальные дела. Он защищал воров, коммунистов, дельцов, проворовавшихся чиновников... Ему было все равно – виновны они или нет, убивали сами или стали жертвами, крали или их подставили... Важно было прогреметь, прозвучать, попасть в газеты и на телеэкраны. Ведь в глазах окружающих он – законник и занят защитой закона. Но при этом – человек, который может закон обойти, потому как знает, что надо сделать, чтобы остаться безнаказанным.

– А ты случайно не помнишь, кто из его подопечных мог иметь дела с Муромским? Чтобы сегодня предъявить права на часть наследства?

– Нет. Я им вплотную не интересовался. Это была не моя епархия. Да и не до него было. – Отец внимательно посмотрел на Ледникова. – Ну, будем считать, что лирическая прелюдия завершена, вечер воспоминаний подошел к концу. Так что было нужно этому недостойному потомку славного адвокатского рода Келлеров от тебя?

– Ты не поверишь, но он предлагал мне сотрудничество.

– И какого рода?

– Ну, скажем так, удерживать госпожу Согдееву от неразумных поступков, если она будет обращаться за содействием... Всего-навсего. Причем, именно только если будет обращаться сама.

– И?

– Разумеется, я ему ничего не обещал.

Отец покачал головой:

– Что-то это все мне сильно не нравится. Тебя зачем-то пытаются втянуть в чужую игру, где тебе к тому же не известны главные игроки... – Ну, кое-кто известен. Во-первых, это наша las Meigas... Затем госпожа Морьентес и ее защитники. Собственно, не известен лишь третий – тот, кого представляет Келлер-джуниор...

– Тебе все это нужно?

– Нет, конечно. Но что я могу сделать? Они просто приходят и просят о помощи или содействии. Я посылаю их подальше... Вот и все.

## Глава 8

### Claro como el agua de xochimilco

### Чист, как сажа

Расставшись с отцом, Ледников решил выполнить данное ему обещание – погрузиться в жизнь настоящего отдыхающего, которому все по барабану. Для этого он приобрел толстую испанскую газету, а потом нашел пустую скамейку под пальмой. Устроившись на ней, он принялся методично изучать газету, как какой-нибудь очумевший от безделья отдыхающий изучает московские газеты в Сочи или Крыму.

Начал он, разумеется, с футбола. Узнав все об очередном витке великого противостояния «Реала» и «Барсы», он углубился в статью, которая извещала, что в ближайшее время парламент Каталонии запретит корриду на своей территории. Ибо это варварское зрелище, развращающее людей. Однако, как подмечал журналист, депутаты руководствуются скорее не любовью к животным, а политическими соображениями, желанием отмежеваться от всего, что в мире отождествляется с Испанией. Ведь в Испании корриду называют «национальным праздником», что самолюбивым каталонцам совсем не нравится. Коррида сближает их с остальными испанцами, а ведь Каталония была и будет более прогрессивной, культурной и европеизированной, чем другие провинции.

За всем этим обычный сепаратизм: отказываясь от того, что называется «*corrida*», Каталония сохранила «*correbous*», то есть «бегущий бык». Это не национальное, а именно каталонское развлечение, в основе которого – наслаждение от издевательств над тем же самым быком. Сие развлечение практикуется в разных видах. Один из них заключается в том, что животному на рога цепляют «*bou embolat*» – «горящие шары». Бык, обезумевший от дикой боли, причиняемой его мозгу от горения рогов, бежит по улицам города и сносит все на своем пути в отчаянной попытке убежать от пламени.

Из-за ограждений за ним весело наблюдает прогрессивный, культурный, европеизированный каталонский народ. Дикому ликованию нет предела. Это шоу привлекает огромное число туристов, жаждущих в XXI веке посмотреть на подобную диковину. А туристы – это деньги, замечал автор, который явно был болельщиком «Реала», а не «Барсы». Зажег быку рога, пустил его по улицам города и гребил деньгу – дешево и сердито. Сберегли каталонцы и другое развлечение – сбросить бедное животное в море, чтобы веселиться, наблюдая, как бык пытается спасти свою жизнь. Такие праздники проводятся во многих каталонских поселках, и для их отмены требуется гораздо больше любви к животным и политической смелости, чем для отмены «национального праздника» Испании, грустно усмеялся автор.

Уразумев, чем принципиально в глазах каталонца различается «*corrida*» от «*correbous*», Ледников вздохнул, посмотрел на безоблачное небо и снова погрузился в чтение.

На сей раз его внимание привлекло небольшое эссе известного испанского писателя. А писал он о том, что население Испании неумолимо сокращается, что скоро испанцы превратятся в самую дряхлую нацию на земле. А в это время население южных соседей, того же Марокко, столь же стремительно растёт, как и желание есть и жить так, как едят и живут в Испании, стране, где для сбора овощей нужно ввозить эквадорцев, а починить кран в ванной может только польский сантехник... Удивительное дело: университеты каждый год выбрасывают миллионы безработных без малейших перспектив, но днем с огнем не сыщешь белого каменщика... Чтобы исправить положение, придется открыть страну для иммигрантов, причем без всяких ограничений. Они не только не помешают, они – спасут. Испанцам волей-неволей придется принять всех этих африканцев, мавров, латиносов, украинцев, что тянутся в страну в поисках счастья, пророчествовал писатель, они смешаются с нашими детьми. В Испании

появятся полицейские-негры, клерки-мексиканцы, военные мавры, как в других странах. Что-то мы потеряем, а в чем-то непременно выиграем. Испания получит новые силы, чтобы существовать и развиваться.

Наши внуки сойдутся с африканцами и туарегами, правнучки будут синеглазыми мулатками с гибкими колумбийскими телами... А все эти ревнителю расовой чистоты могут отправляться ко всем чертям. Нравится им или нет, но в один прекрасный день их дочь забеременеет от жениха-перуанца, а какой-нибудь Родриго Кортес назовет свою внучку Долорес Абдулла Нгобо...

Впечатлил финал эссе. А подавать испанским националистам судно в доме престарелых будет уж точно араб, предрекал автор. Вот ему-то пусть и рассказывают о методах «лингвистического погружения» и прочих способах приобщения к испанской культуре. Посмотрим, станет ли он слушать!

Тема была знакомой. Ледников и сам теперь просыпался по утрам в Москве от криков на каком-то азиатском языке и скрежета, сводившего зубы. Это дворники, завезенные московскими властями с каких-то гор, обсуждая что-то свое родное, везли московский мусор на какой-то самодельной тележке, живо напоминавшей о временах самого раннего Средневековья.

С ними вести разговоры о «лингвистическом погружении» было столь же продуктивным занятием, сколько и с арабом, приносящем судно в испанском доме престарелых.

Ледников не успел погрузиться в размышления о грядущих перспективах великого переселения народов, которое обуяло весь мир, потому что почувствовал на себе чей-то взгляд.

Он поднял глаза, и у него вдруг сжалось, а потом сильно забилося сердце. Темноволосая женщина сидела в остановившейся в нескольких шагах от него открытой «мазде», положив вытянутые руки на руль, и смотрела на него. Он снова поразился ее сходством с Разумовской. Если бы она вдруг насмешливо сказала что-то вроде: «Мальчуган, тебе что, особое приглашение нужно?» – он бы ничуть не удивился.

Но женщина ничего не сказала. Она просто вышла из машины и пошла в его сторону. И походка у нее была что надо, как выражаются некоторые деятели искусств, волнительная...

Нурия села рядом и с улыбкой сказала:

– А вы теперь вылитый добропорядочный буржуа на отдыхе, которому ни до чего нет дела... «Черт подери, она разговаривает со мной так, будто мы давным-давно знакомы». Мало того, словно он перед ней в чем-то провинился и даже что-то там должен.

– Стараюсь, – лениво сказал Ледников, нарочно принимая еще более вольную позу. – Да и странно было бы, если бы я старался вести себя иначе.

– Ну почему? Кстати, не все ваши соотечественники ведут себя так.

– Да что вы?

– Представьте себе. Вчера в редакцию, где я работаю, зашла женщина, русская, и оставила для меня диск с данными про сеньора Арчилова. Там очень интересные факты. Видимо, она читала мои статьи и тоже не хочет, чтобы преступник оказался на свободе.

– Есть женщины в русских селеньях, – сказал Ледников.

А что, спрашивается, еще он мог сказать? Но заканчивать разговор так быстро не хотелось, и он спросил:

– А вы, наверное, тоже горячая противница корриды?

– Разумеется! – фыркнула Нурия. – Наконец-то у нас не будет этого варварского, позорного развлечения.

– А как же «correbous»? Уставной совет Каталонии почему-то считает возможным сохранить это зрелище? Тоже весьма не вегетарианское...

– Речь идет о сохранении этой традиции только там, где она уже существует. А заводить «согебос» там, где ее до сих пор не было, не разрешается. Приходится учитывать, что у этой традиции – глубокие корни, уходящие в историю нашего народа.

Ну, разумеется, корни глубокие. Правда, у традиционной корриды они намного глубже, но она национальный праздник всей Испании, и это ее самый страшный порок.

– Скажите, Нурия, а сардану вы танцуете?

Она смерила его пылающими глазами:

– Конечно. А почему вы об этом спрашиваете?

– Просто я бы с удовольствием посмотрел на вас, когда вы танцуете. Думаю, это была бы впечатляющая картина.

Сардана – один из самых странных танцев, который Ледникову довелось видеть. Было это в Барселоне. Оркестр, большей частью из духовых инструментов, располагался на возвышении перед порталом собора и играл довольно быструю мелодию. А на просторной площади двигались пять-шесть хороводов с поднятыми вверх руками. В них было человек по двадцать-тридцать. Они мерно двигались под музыку, делая ногами простые и однообразные движения. Они именно двигались, а не плясали. Причем каждый вокруг сложенной в центре горки из курток, плащей и сумок. Словно язычники вокруг священного костра или дерева. У людей не было цели повеселиться. В танце не было никаких вольностей – каких-либо лихих прыжков, затейливых коленцев, неожиданных вскриков. Люди не улыбались, а были старательны и сосредоточены. Весь смысл действия был в том, чтобы быть точно таким же, как все. Так что был это вовсе и не танец. Сардана больше всего походила на ритуальное действие, на отточенный веками обряд, подтверждающий принадлежность каждого человека в хороводе к каталонскому сообществу. Сомкнутые руки, гордо поднятые над головами, неразрывный круг – зримое выражение объединяющей этих людей глубинной идеи, недоступной и непонятной другим. Вступать в этот хоровод у человека постороннего особого желания не возникало. Один из туристов, наблюдавший, как и Ледников, за сарданой со стороны, сказал, что это похоже на сиртаки. Но тут было другое. Больше всего сардана напомнила Ледникову чеченский зикр. Этот ритуально-обрядовый хоровод в бешеном темпе, состоящий из самых простых движений, когда люди в кольце двигаются друг за другом в едином темпе, был мощной психологической процедурой, сплавляющей людей воедино, превращающий их в «своих». Правда, зикр исполняют только мужчины, а в сардане всегда много женщин, причем уже не самых молодых, то есть с вполне определенной психикой...

– Сегодня вечером я улетаю в Москву, – прервала его воспоминания Нурия.

– Вот как. Надолго?

– Нет, всего на несколько дней... Может быть, вы хотя бы подскажите кого-нибудь, к кому я могла бы обратиться там за информацией? И кто согласился бы мне помочь? – несколько даже высокомерно спросила Нурия. Ледников помолчал. Вряд ли кто-то из официальных представителей Следственного комитета или прокуратуры захочет говорить с ней откровенно. Нужен кто-то, кто занимался Сатрапом и его связями, но сейчас не связан рамками службы...

– Может быть, надо заплатить? – нетерпеливо спросила она. – Ведь у вас там теперь все делается за деньги. Я готова. – Нурия смотрела на Ледникова чуть ли не с холодным презрением.

– Не думаю, что вы располагаете средствами, которые могут серьезно помочь в Москве, – рассмеялся он. – Я дам вам телефон моего знакомого, который был в курсе дел Сатрапа, сейчас он, правда, лицо неофициальное... И еще телефон человека, возглавляющего частное Бюро криминальных расследований.

– Я могу сослаться на вас?

– Разумеется. Иначе они просто не станут говорить с вами. Во всяком случае, более или менее откровенно.

– Ну что ж, спасибо и на этом, – сказала она.

– У вас есть хватка. Я бы даже сказал бульдожья, если бы не боялся вас обидеть...

– А вы знаете, сколько в Испании безработных? Особенно среди молодых? Работа стала привилегией для избранных. Тысячи профессиональных журналистов не знают, куда пристроиться. Молодые журналисты ищут возможность устроиться хотя бы практикантами и согласны работать даже бесплатно. Девушкам порой приходится надеяться не на талант, а на большие глаза и губы «аля Анджолина Джоли»... К счастью, у меня есть своя тема, я знаю русский язык, что у нас редкость. Но все равно, мне надо работать как проклятой.

– По-русски еще говорят «лезть из кожи вон» или «вертеться как белка в колесе»...

– Белка... – усмехнулась Нурия. – По-испански говорят «hechar los higados», то есть «выплевывать печенки». Или «hechar las asaduras» – «выворачивать внутренности».

– Грубовато.

– Зато куда точнее. Всего доброго!

Она стремительно встала и пошла к машине, а Ледников все время глядел ей вслед и не мог отвести от нее глаз.

## Глава 9

### Dar gato por liebre

### Дать кота вместо зайца

Завидовал ли он Ледникову тогда, когда узнал его, в университетские годы? Да пожалуй, что и нет. Точно нет. Скорее, удивлялся тому, как удачливо и благополучно может складываться все у человека, причем, похоже, без всяких стараний с его стороны. Привлекателен, удачлив, а главное, сразу всех располагает к себе, опять же ничуть не прилагая для этого каких-либо усилий. А еще, несомненно, умен и талантлив. А еще за спиной – мощная фигура отца. Иногда даже мелькала мысль: и куда все это одному, мог бы и поделиться!

Удивление переросло в раздражение, когда у Ледникова завязался пылкий роман с Анной Разумовской, при взгляде на которую у Аркадия Келлера тогда холодели до покалывания кончики пальцев. Это было уже чересчур! Потому что Разумовская была той, о которой он, Аркадий, мечтал. Мечтал не просто как о женщине, обладание которой обещало невозможное с другими блаженство, он ясно понимал, что Разумовская, с ее породой и умом, придала бы его жизни совсем другое дыхание, иную высоту. Но Ледников отнял ее навсегда, потому что абсолютно ясно было – у них с Разумовской не обычный студенческий романчик, тут люди сплели свои жизни намертво, так тесно, что другому нечего рассчитывать вписаться между ними, надеяться, что когда-то это чувство иссякнет и можно будет этим обстоятельством воспользоваться. Нет, эти будут любить и мучить друг друга всегда. Так что оставь надежду всяк, кто рядом...

Нельзя сказать, чтобы Аркадий страдал долго, нет, он был не из таких, утешение нашлось достаточно скоро. Но вот некий счет к господину Ледникову у него с той поры остался. И он знал, что если карты когда-нибудь лягут соответственно, то счет сей он предъявит.

Он был уже достаточно известным и вполне не бедствующим адвокатом, когда им овладела мысль, что пора бы решить все свои финансовые вопросы радикальным образом, чтобы деньги перестали играть решающую роль в его жизни и работе. Для этого нужна была серьезная сумма, которая обеспечивала бы независимость в делах, а также вилла в Испании, которая давно уже нравилась ему больше всех других стран. Работать в Москве только по делам, которые интересны, а жить большую часть времени в Испании – таков был вкратце план. Тогдашние адвокатские гонорары этот уровень не обеспечивали...

И тут ему предложили взяться за дело Тутаева. Разговор был откровенный – ему сказали, Тутаева надо любой ценой спасти от обвинений в пытках и убийстве молодой девушки. И объяснили, что сделать это в принципе нетрудно – его подельник Грибанов, уголовник с психическими нарушениями, готов взять всю вину на себя. С ним проведена соответствующая работа, ему доходчиво объяснили, что в таком случае ему будет гарантирована защита, поддержка на зоне, хорошо заплатят его семье. Смертная казнь в связи с психическим нездоровьем ему не грозит, а размер срока мало зависит от того, пойдет ли он один или вместе с Тутаевым. Даже наоборот, если он будет утверждать, что убивали вместе, то судить будут за групповое убийство, а это еще хуже...

Все эти вопросы уже обговорены и решены. Дело упирается в следователя по фамилии Ледников, который провел кучу экспертиз и ведет дело к обвинению в убийстве и пытках обоих – и Тутаева, и Грибанова. Подобраться к Ледникову никак не удастся, и тут вдруг выясняется, что Келлер учился вместе с Ледниковым... Словом, Келлер должен попытаться договориться с Ледниковым, как старый товарищ, объяснить ему ситуацию, рассказать, что осуждение Тутаева убьет его мать, довести до сведения, что денег не пожалеют. А всего-то надо потерять или

не предъявлять кое-какие экспертизы, которые подтверждают причастность Тутаева к смерти девушки. Ее все равно не вернешь, а парню и его семье сломают всю жизнь.

Келлер согласился. Особых проблем он не увидел, в конце концов, наше дело предложить, ваше дело – отказаться. Он взялся и... не сумел. Просто не сумел предложить Ледникову деньги. При встречах вертелся, пыхтел, проклинал себя, но так и не решился. Почему? Он долго потом думал на сей счет, но ничего утешительного ему так в голову и не пришло. А признаться себе, что просто струсил, побоялся, представляя себе, чем ответит Ледников, не мог. Так и вертелся сам перед собой, потая от бессильной злости. Но счет его к Ледникову вырос уже многократно.

Больше они по делам не сталкивались.

Через какое-то время ему предложили заняться делом бывшего опера управления по борьбе с организованной преступностью Алексея Петрухина, неожиданно для всех обвиненного как участника в похищении людей с целью получения выкупа. Самое пикантное состояло в том, что, еще служа в органах, Петрухин участвовал в раскрытии нескольких этих самых похищений с целью выкупа и даже получил за это медаль «За отвагу» и грамоту из рук министра, а после выхода в отставку уже как частный детектив раскрыл несколько подобных преступлений. История была мутная – то ли Петрухин вычислял похитителей, то ли работал на них, то ли его решили подставить, чтобы избавиться от слишком усердного сыщика...

Предложение защищать Петрухина поступило через посредника, истинный заказчик был неизвестен, гонорар предложили нормальный, но не более того, однако какое-то невнятное чувство подтолкнуло Келлера – берись.

Прежде чем начать работать с подзащитным, он основательно влез в его прошлые дела и подвиги. Через знакомого следователя, с которым они обменивались кое-какими услугами, ему даже удалось ознакомиться с делом Петрухина. И выяснилось следующее.

Как-то вечером Ядвига Семеновна Вишневецкая попросила сына студента-медика Кирилла погулять с собакой. Едва он вышел из подъезда с таксой по кличке Чапа, как чьи-то сильные руки в перчатках зажали ему рот, скрутили руки за спину...

Кирилла затолкали на заднее сиденье машины, а когда тронулись, грубо разжали рот и влили в горло чуть ли не бутылку водки. Кирилл скоро вырубился. По двору бегала и повизгивала перепуганная Чапа.

Через час в квартиру Вишневецких позвонили. Это был сосед сверху – он обнаружил во дворе трясушуюся от холода и повизгивающую от страха Чапу. Ядвига Семеновна Вишневецкая с недоумением смотрела то на радостно шмыгнувшую в квартиру Чапу, то на соседа, который рассказывал, что нашел собачку у подъезда, одну, а Кирилла не видел...

Ядвига Семеновна была женщина сильная, преуспевающая, но не очень счастливая. У нее был свой небольшой фармакологический бизнес, отнимавший все ее время и силы, и не было мужа, который несколько лет назад погиб в авиакатастрофе. Она так и осталась одинокой женщиной со всеми вытекающими последствиями. Завести на глазах уже подросткового сына нового мужчину она и помыслить не могла, в ее жизни, кроме Кирилла и работы, ничего, собственно, и не было. Ну, разве что ласковая Чапа с масляными добрейшими глазами...

Когда поздним вечером ей позвонили, она уже понимала, что с Кириллом произошло что-то жуткое. Пугающе грубый мужской голос потребовал за возвращение сына три миллиона долларов.

– Я заплачу, только не трогайте Кирилла! – торопливо, захлебываясь прокричала Ядвига Семеновна. – Но у меня нет столько! Я не соберу...

– Не морочьте мне голову! Мы знаем, сколько у вас на счетах денег.

У нее оборвалось сердце.

– Вы же мать, неужели вам деньги дороже сына? Единственного сына, студента, отличника, спортсмена... – хохотнули в трубке. Ядвиге Семеновне стало совсем плохо.

– Кстати, если хотите, можете идти в милицию. Они все равно ничего сделать не смогут. Мы знаем, как ведутся такие дела... Все. Позвоним через три дня.

Увы, таких денег на руках у Вишневской не было: бизнес в последнее время приносил одни убытки, контракты не выполнялись, долги росли.

Она в отчаянии бросилась в милицию, написала заявление, однако скоро поняла, что большого желания искать сына, у милиционеров нет. Случайно услышала, как один из них сказал другому в коридоре, что пацан наверняка инсценировал похищение, чтобы раскрутить мамашу на бабки. Надоест прятаться, сам выйдет. И вообще эти самопохищения уже задолбали... Но она-то знала, что ее сын на такое пойти не мог.

Похитители позвонили, как и обещали, через три дня. Услышав, что денег нет, пригрозили убить сына. А потом смиловались – ищи, мамаша, бабки, мы подождем, только ты хорошо ищи...

Разумеется, Ядвига Семеновна, фирма которой не могла позволить себе иметь собственную профессиональную службу безопасности, начала искать людей, которые могли бы помочь освободить сына. Во время очередного визита в милицию один из сотрудников отвел ее в сторону и тихо сказал:

– Есть один человек... Он профессиональный опер, занимался именно похищениями людей, грамоты и медали за это получал, но пару лет назад вышел в отставку... Связи, опыт все при нем... Поговорите с ним, может, возьмется. Фамилия его Петрухин. Зовут Алексей Германович. Если он что-то найдет, мы подключимся...

Вишневская бросилась к Петрухину. Он ей сразу понравился. Спокойный, уверенный в себе мужчина примерно одних лет с Вишневской. Выслушав ее, сказал, что, судя по всему, похитители не садисты, сына не тронут, с ними можно торговаться... И в принципе он готов этим делом заняться.

Петрухин произвел на Вишневскую такое впечатление, что она сразу предложила ему место начальника торопливо учрежденной службы безопасности своей компании с приличной зарплатой. Разумеется, заниматься он будет только поисками сына...

Женщина энергичная и самостоятельная, Вишневская поставила одно условие – он должен постоянно держать ее в курсе расследования. Петрухин, подумав, согласился. И приступил к работе.

Как он доложил Вишневской, работать предстоит в двух направлениях – в переговорах сбивать цену выкупа и одновременно искать похитителей. Как? Начать с похожих преступлений. Похитителей можно будет вычислить по почерку.

На связь представитель похитителей выходил по скайпу через Интернет по ноутбуку сына и появлялся на экране в маске, пугавшей Вишневскую до судорог. Обычно рядом с ней в таких случаях был Петрухин, но он стоял чуть в стороне, чтобы его не было видно на экране. Однажды похититель вдруг потребовал повернуть веб-камерой на ноутбуке, чтобы он мог видеть все помещение. Ясно было – хочет проверить, нет ли кого рядом с Вишневской. У той заколотилось сердце, но Петрухин не растерялся – он моментально рухнул на пол и замер у ног Вишневской. Похититель удовлетворенно хмыкнул, когда она покрутила ноутбук, и сказал, что надо спешить. Пока они не хотят никому причинять вреда, но, как бизнесмен, она должна понимать, что время – это деньги. Пока сына кормят бананами и апельсинами, но скоро могут начать пальцы и уши резать и присылать мамаше...

Вишневской опять стало плохо. Но Петрухин успокоил – просто пугают, судя по всему, на такое они не пойдут. Потому как по информации, которую он раздобыл с помощью бывших коллег из милиции, эти похитители к кровавым жестокостям не прибегают. То есть у него уже появились конкретные подозреваемые... За ними несколько похищений детей бизнесменов. Их так же держали довольно долго, по несколько месяцев, в каких-то подвалах, а после полу-

чения выкупа, который оказывался значительно меньше первоначально названных сумм, просто вытаскивали из машин на пустынном шоссе...

Расследование требовало немало денег, но Ядвигу Семеновну траты не смущали. К тому же она, уставшая от одиночества, уже скоро стала испытывать к Петрухину, спокойному, сильному, никогда не теряющемуся мужику, вполне определенные женские чувства. Ежевечерние «доклады» Петрухина очень быстро стали ритуалом, без которого она не могла обходиться. А потом один из затянувшихся докладов закончился тем, что Вишневская и Петрухин стали любовниками. И случилось это прямо в ее рабочем кабинете.

События развивались именно так, как и предсказывал Петрухин. Похитители постепенно сбавляли сумму выкупа и уже опустили до миллиона. А Петрухин установил, что глава банды находится за границей и команды поступают оттуда. Он даже вычислил его давних знакомых, через которых получил информацию, что жизни Кирилла пока ничего не грозит. Вишневская уже не могла ждать. Ее мучили страх за сына и стыд, что она в это страшное время завела себе любовника, отказаться от которого у нее уже не было сил. Нервы ее были на пределе. И Петрухин, поняв, что тянуть с расследованием уже нельзя, предложил собрать какую-то усиленную сумму и предложить ее похитителям. У них тоже заканчивается терпение, предположил он, и поэтому они согласятся на реальные деньги, пусть и не такие, на которые рассчитывали сначала.

Его расклады оказались верными. Бандиты согласились на двести пятьдесят тысяч долларов, которые набрала Вишневская. Деньги упаковали в сумку, и Петрухин выбросил ее из окна ранней первой электрички на указанном километре, который ему назвали по мобильнику буквально за минуту до этого.

А Кирилла в тот же день вытолкнули из машины на обочину шоссе. Добравшись домой, он рассказал, что держали его, судя по всему, в подвале гаража Где-то за городом. Спал он на матрасе, брошенном на бетонный пол, причем было понятно, что до него там держали кого-то другого. Подвал был разделен надвое решеткой с толстыми прутьями. Через решетку Кирилла кормили – в основном лапшой быстрого приготовления. За ним следили через видеокамеру, прикрепленную на потолке. Кирилл рассказал, что вел себя намеренно спокойно, старался отключаться и побольше спать – «Иначе можно было сойти с ума». Его не трогали, хотя как-то один из охранников и пригрозил отрезать пальцы. Кирилл тогда сказал: «Дайте я сам отрежу. Я – медик и сделаю так, чтобы не было заражения». У охранника глаза вылезли на лоб...

Дело было закончено, когда Петрухин спросил, надо ли ему заниматься им дальше и искать похитителей, чтобы вернуть деньги, Вишневская резко воспротивилась. Черт с ними, с деньгами, как-нибудь выпутается. Ее больше волновало, что теперь будет у них с Петрухиным. Она сама предложила ему пожениться. Петрухин ответил, что надо какое-то время подождать. Теперь есть Кирилл, и надо посмотреть, какие у них сложатся с ним отношения... На том и порешили.

А через какое-то время Петрухина арестовали. По обвинению в похищении людей.

Случилось вот что. В ходе розыска еще одного похищенного наследника богатого бизнесмена, опера в который раз прослушивали кассеты с записью переговоров с похитителями. Как раз в этот момент в комнату зашел сотрудник другого отдела и, услышав голос на пленке, воскликнул:

– О, это же Лехи Петрухина голос!

Опера только переглянулись. Потому что сами все это время мучились – голос вроде знакомый, но вот чей? А тут сразу как пелена с глас спала – точно, Петрухин! Стали поднимать другие материалы – на них тот же самый голос. Не веря в происходящее, провели экспертизы в разных учреждениях. Ответ был один и тот же – в том, что голос принадлежит Петрухину, уверенность процентов семьдесят... Вспомнились и другие сомнительные истории.

Несколько лет назад, еще до увольнения Петрухина из органов, брали двух бандитов во время получения выкупа. Брали со стрельбой, с погоней. Бандиты оказались то ли акробатами, то ли альпинистами – уходили чуть ли не по вертикальным стенам. Но взяли. А потом одного из них, причем явно главного, с поддельным паспортом следователь просто отпустил, сочтя, что «доказательств его причастности к похищению нет, задержанный – просто свидетель происшедшего, а бежал от милиции потому, что сильно испугался... А то, что паспорт поддельный, якобы выяснилось после того, как преступника отпустили». Другая история. Взяли человека как главного организатора похищения. И он тоже ушел – зашел с милиционерами за сигаретами в магазин по дороге и сбежал через черный ход...

Оба раза в делах мелькали крупные суммы, которые задержанные предлагали операм за освобождение. Оба раза и следователь, и милиционеры, упустившие преступников, ушли с работы... И оба раза в делах участвовал Петрухин.

Вот такая сложилась картина. Вишневская в открывшееся не хотела верить – ее чувства к Петрухину были сильнее предъявленных ему обвинений. Она буквально осаждала следователя, стараясь объяснить, какой замечательный человек Петрухин, умоляла Келлера сделать все, чтобы Петрухина освободили, обещала ему деньги помимо гонорара...

Собственно, защита не была делом слишком трудным. У обвинения было немного прямых улик, поэтому главное было – заставить суд усомниться в том, что на записях голос Петрухина. Сделать это удалось, проведя несколько дополнительных экспертиз, которые подтвердили, что прямой уверенности в том, что голос принадлежит Петрухину, нет. Ну и всячески выпячивая обстоятельство, что специалист в расследовании похищений никогда не стал бы сам лично вести переговоры о выкупе по телефону, прекрасно зная, что они пишутся... Сыграло свою роль и душераздирающее выступление на суде Вишневской, в восторженных тонах описавшей доброту и честность начальника ее службы безопасности.

В общем, Петрухина освободили в зале суда, а вечером Келлер встретился с посредником в тихом ресторане, который когда-то принадлежал одному из творческих союзов. Посредник, пожилой уже, насмешливо усталый мужчина, протянул Келлеру конверт, в котором был обговоренный гонорар, и чуть заметно растянул губы в улыбке:

– Деньги за работу нормальные, но на приличный дом в Испании, конечно, не хватит...

Аркадий удивленно посмотрел на собеседника – откуда он знает про дом в Испании?

Посредник улыбнулся еще шире:

– Не удивляйтесь, про дом в Испании вы сами сказали как-то мимоходом еще при нашем первом разговоре. А я запомнил. Утомительная привычка – запоминать все подряд, но бывает и полезной. Кстати, а вам не приходила в голову мысль, что этот бизнес, которым увлекся ваш бывший подопечный Петрухин, в принципе может быть практически абсолютно безопасным и по-настоящему прибыльным при соблюдении некоторых условий?

– Приходила, – не стал отпираться Аркадий. – Если правильно выбирать объект, если назначать сумму выкупа, точно зная, сколько за объект могут заплатить, если обходиться без ненужных жестокостей... Ошибка с Вишневской заключалась в том, что не выяснили предварительно ее финансовое положение, не просчитали, с какой суммой она в состоянии расстаться. Я, например, знаю людей, которые пошли бы на такие траты совершенно спокойно. Мало того, сделали бы все, чтобы при этом не привлечь внимания милиции. А вот покойный господин Муромский, несмотря на свои миллиарды, за своего сына не дал бы ни гроша...

Посредник слушал Аркадия доброжелательно и внимательно.

– Да-да, все верно. И этому самому Петрухину теперь придется расплатиться за самостоятельность. Сначала он сам выбрал объект, а потом сам же снизил сумму выкупа, не получив на это разрешения... Так что за ним теперь долг. В организации, с которой он сотрудничал, строгая дисциплина, не любят импровизаций, особенно если они заканчиваются неудачно...

Какое-то время ели молча.

– Впрочем, бог с ним, с этим Петрухиным, – небрежно отмахнулся посредник. – У меня к вам есть разговор куда более серьезный... Собственно, дело с Петрухиным было лишь проверкой. Мы наблюдали за вами все это время и пришли к выводу, что с вами можно иметь дело. Причем дело такого размера, что позволит вам иметь совершенно иные финансовые позиции в жизни...

Из того, что говорил посредник, можно было сделать два вывода. Либо он способен читать чужие мысли, либо эти мысли столь не оригинальны, что угадать их ничего не стоит.

– Под словом «мы» подразумевается организация, которая стояла за Петрухиным?

– Да, но Петрухин вовсе не основная сфера их деятельности. Так, случай. Подвернулся опер, решивший заработать, его и использовали. Там занимаются вполне солидным и легальным бизнесом. Что касается вашего доброго имени и репутации, которыми вы наверняка не хотите рисковать без особой нужды... Во-первых, можете судить по мне – и доброе имя, и репутация при мне, а ведь я достаточно давно сотрудничаю с этими людьми. Во-вторых, вам уже приходилось иметь дело с людьми куда более сомнительными... – Посредник ободряюще улыбнулся:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.